

«Музей
Природы и Человека»

XXX-е ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
НАРОДОВ РОССИИ

Сборник тезисов международной научной конференции

(21-24 сентября 2023 г.)

Томск

2023

Оглавление

Андреева Тамара Егоровна

О РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНОГО *Ė* В ЗАИМСТВОВАННЫХ ЯКУТСКИХ СЛОВАХ 9

Барсуков Евгений Владиширович, Идимешев Асан Алексеевич «ПО СЛЕДАМ» А.П.

ДУЛЬЗОНА: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В БАССЕЙНЕ Р. КЕТИ В 2020 ГОДУ

..... 11

Безенова Мария Петровна

ДИАЛЕКТНАЯ ОСНОВА ПЕРВЫХ УДМУРТСКИХ ПЕРЕВОДОВ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ

ЛУКИ..... 13

Белова Дарья Дмитриевна

ОБ ИСКОННЫХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ МОРФЕМАХ: ПОКАЗАТЕЛИ
КАУЗАТИВА В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ ЛУКИ..... 15

Боброва Анна Ивановна, Рыкун Марина Петровна

СЕЛЬКУПЫ В НАРЫМСКОМ ПРИОБЬЕ В XV–XVII вв. (по археологическим и
антропологическим источникам)..... 17

Богайчук Елена Андреевна, Бычков Дмитрий Александрович, Идимешев Асан

Алексеевич

ПОСЕЛЕНИЕ САМУСЬКА III (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ): ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
ПОЛЕВЫХ РАБОТ 2018–2019 ГОДОВ..... 18

Булгакова Татьяна Диомидовна

ЛЕКСИКА ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В НАНАЙСКИХ ШАМАНСКИХ
КАМЛЕНИЯХ..... 20

Варламов Александр Николаевич

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ РОДОВ СЫМСКИХ ЭВЕНКОВ ПО
МАТЕРИАЛАМ К. М. РЫЧКОВА..... 22

Винокурова Надежда Ивановна

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ЗАЛОГОВЫХ ЧЕРЕДОВАНИЯХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА
..... 24

Волдина Татьяна Владимировна

РЕИНКАРНАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОБЫЧАЯХ НУМТОВСКИХ НЕНЦЕВ 25

Гарипов Равил Касимович

ДРЕВНЕЙШИЕ КОНСТРУКЦИИ ИЗ ЯЗЫКА ЙОРУБА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ
АСПЕКТЕ 27

Главан Анна Андреевна, Таджибова Аксана Наруллаховна

К ВОПРОСУ ОТОБРАЖЕНИЯ СРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В
СОВРЕМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ СУРГУТСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО
ЯЗЫКА 28

Головизнин Марк Васильевич

«АФРИКА БЕЗ ГРАНИЦ» В ДИСКУРСЕ НАУЧНОГО ТУРИЗМА: ВИЗИТ К
СУЛТАНУ СОКОТО; НАЙРОБИ-«NAIROBBERY» И ЛЕПРОЗОРИЙ В АДДИС-
АБЕБЕ»..... 31

Григорьева Алена Сергеевна

ЯДЕРНАЯ ЛЕКСИКА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ОБЛАДАНИЯ ЯЗЫКА НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ *PLAUTDIETSCH*..... 33

Гриневич Анна Александровна

ОБСКО-УГОРСКИЕ И ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЕ МОТИВНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ
СКАЗОЧНЫХ ПОВЕСТВОВАНИЙ О БАБУШКИНОМ ВНУКЕ..... 35

Гришина Наталья Михайловна

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КЕТСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ..... 37

Груздева Анастасия Ильинична

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ СОЦИАТИВНОГО СУФФИКСА *-ЛСА* В
БАРГУЗИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА 38

Гусакова Виолетта Евгеньевна, Буркова Светлана Игоревна

ВЛИЯНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ НА СВОЙСТВА АНТОНИМОВ В
РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ 40

Гусев Валентин Юрьевич

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НГ АНАСАНСКОМ ГЛАГОЛЕ 42

Давидюк Татьяна Игоревна

СВОЙСТВА СУБЪЕКТА ПРИЧАСТИЙ НА *-(Е)М* В ТАТЫШЛИНСКОМ
УДМУРТСКОМ..... 45

Данилова Надежда Ивановна, Дьячковский Федор Николаевич

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНОДЧЕСКИХ ПОСТРОЕК В ЯКУТСКОМ И МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКАХ 47

Дмитриева Татьяна Николаевна

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ ПЕРВОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ СИБИРИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА ЗА 1725 г. 50

Добжанская Оксана Эдуардовна

СЕЛЬКУПСКИЕ ШАМАНСКИЕ МЕЛОДИИ: ОБЗОР МУЗЫКОВЕДЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ 52

Дубяга Алена Олеговна

ПОДЪЕМ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ 54

Есипова Алиса Васильевна

ШОРСКИЙ ПАРСЕР: НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НА -ЧАР (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРВЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ КНИГ, ИЗДАННЫХ МИССИОНЕРАМИ АЛТАЙСКОЙ
ДУХОВНОЙ МИССИИ В 1883–1884 гг.) 57

Жидкова Елизавета Андреевна

НЕМАНУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ «ВЫПЯЧИВАНИЕ ЯЗЫКА» ВО ВНУТРЕННЕЙ
СТРУКТУРЕ ЖЕСТА В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ..... 59

Зимин Марк Михайлович

ДОКУМЕНТАЦИЯ ЛЕКСИКИ ЭВОНСКИХ ИДИОМОВ: ПРОБЛЕМЫ С
СУЩЕСТВУЮЩИМИ ИСТОЧНИКАМИ..... 61

Идимешев Асан Алексеевич

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЯСЛИЦ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ ИЗ СОБРАНИЙ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 63

Исаченко Оксана Михайловна

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КАРКАС РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»
О СУДЬБЕ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ 65

Казакевич Ольга Анатольевна

ТЕКСТЫ СЕВЕРНОСЕЛЬКУПСКИХ ШАМАНСКИХ ПЕСНОПЕНИЙ: ОТ ПАНА
АНДРЕЕВА ДО ГЕОРГИЯ ЧЕКУРМИНА 67

Калинин Степан Сергеевич

О КРИТЕРИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ, ИСКУССТВЕННЫХ И
ФОРМАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ..... 69

Кашкин Егор Владимирович

ПОНЯТИЕ ‘ПРЯМОЙ’ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ТАТЫШЛИНСКОМ
ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА..... 71

Ким Александра Аркадьевна

КОНФЕРЕНЦИЯ «ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
..... 73

Ким Александра Аркадьевна

ПЕРСПЕКТИВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПО ДАННЫМ
ФОЛЬКЛОРА (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОСОВ КЕНИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ)
..... 75

Клячко Елена Леонидовна, Рудницкая Елена Леонидовна

НЕАДДИТИВНОЕ МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ..... 76

Ковылин Сергей Васильевич

КОНСТРУКЦИИ С НЕТРАНЗИТИВНОЙ ПРЕДИКАТИВНОСТЬЮ В ВАХОВСКОМ
ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА 78

Кондратьева Наталья Владимировна

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ..... 81

Коньков Андрей Сергеевич

ПОПУЛЯЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ УРАЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ..... 83

Корчуганова Анастасия Александровна, Манкыров Тамерлан Олегович

ТОПОНИМИЯ АЛТАЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ..... 85

Кошелюк Наталья Андреевна

ПАМЯТНИКИ XVIII ВЕКА В КЛАССИФИКАЦИИ МАНСИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ:
ЧУСОВОЙ СЛОВАРЬ ИЗ АРХИВА Г. Ф. МИЛЛЕРА 87

Крюкова Анастасия Игоревна

ВАРИАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В ТАТЫШЛИНСКОМ
УДМУРТСКОМ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД 89

Кузнецова Юлия Николаевна

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВТОРИЧНЫХ ГЛАГОЛОВ БОЛИ
В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ 91

Курьянович Анна Владимировна

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНООРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ КЕНИИ..... 93

Лаптандер Роза Ивановна

КОГДА МЫ, ГУСИ, ПРЯТАЛИСЬ ОТ ОХОТНИКОВ, Я ДУМАЛ: «Я ЧЕЛОВЕК – Я
ДОЛЖЕН ВЫЖИТЬ!» 95

Либерт Екатерина Александровна

О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В С. АПОЛЛОНОВКА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ..... 96

Локтионова Анна Анатольевна

СИБИРСКАЯ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АРХИВНЫХ
МАТЕРИАЛАХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 97

Мальцева Вера Сергеевна

О ФОРМАХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В КЫЗЫЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ
ХАКАССКОГО ЯЗЫКА..... 99

Мартынова Елена Петровна

«МИР МЕРТВЫХ» В ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ МИРА ХАНТОВ..... 101

Милованова Анна Павловна

КЕРАМИКА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ 102

Молданова Ирина Максимовна

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ В ПАМЯТНИКЕ ХАНТЫЙСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ Л. П. ВОЛОГОДСКОГО «МАТВЕЙ ЕЛТА ЖЕМУЊ АЙКОЛ-
ЈАСТУРСА» (1868)..... 103

Норманская Юлия Викторовна

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕЛЬКУПСКИХ ДИАЛЕКТОВ В XVIII–XIX В. И
ПРОГРАММЫ АНАЛИЗА БЛИЗОСТИ ЯЗЫКОВ НА ЛИНГВОДОКЕ..... 105

Орлов Владислав Андреевич

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ
(ПО ДАННЫМ ПЕРЕВОДОВ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТОВ) 107

Панченко Светлана Владимировна

ХАНТЫЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СЛОВА-ВКРАПЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ
ТЕМАТИКИ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ 1870–1930 ГГ. 109

Пичугина Наталия Владимировна

КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ А. П. ДУЛЬЗОНА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 111

Плетнева Людмила Михайловна

ДЕРЕВЯННЫЕ КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА
АНИКИН КАМЕНЬ-1 112

Плотников Илья Михайлович

КОММУНИКАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ТИПОВОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ ДВИЖЕНИЯ В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА
..... 114

Понарядов Вадим Васильевич

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО ПРИСАЯНЬЯ В ТИБЕТСКОМ ИСТОЧНИКЕ VIII ВЕКА ... 116

Попов Михаил Андреевич

«ЗВЁЗДЫ – ЭТО КОРНИ»: О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛЕДАХ ОДНОГО ДРЕВНЕГО
МОТИВА В ЧУЛЫМСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ 118

Пушкарева Елена Тимофеевна

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ В НЕНЕЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ 120

Сагайдачная Анна Олеговна

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ, СКРЫТОЕ ЗА ПОНЯТИЕМ «ИДТИ» (НА
МАТЕРИАЛЕ УДЭГЕЙСКОГО ЯЗЫКА) 122

*Селютина Ираида Яковлевна, Уртегешев Николай Сергеевич, Добринина Альбина
Альбертовна, Рыжикова Татьяна Раисовна*

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЯЗЫКЕ И ЭПОСЕ ЮЖНОСИБИРСКИХ
ТЮРОК: УНИВЕРСАЛЬНОЕ В СПЕЦИФИЧНОМ 124

*Кожевникова Элина Константиновна, Мордашова Дарья Дмитриевна, Сеницына
Юлия Вячеславовна*

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ПРИТВОРСТВА В ТАТЫШЛИНСКОМ
ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА 127

Сорокина Мария Ильинична

ПИСЬМЕННОСТЬ ЯЗЫКА НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ СИБИРИ: К ПОСТАНОВКЕ
ПРОБЛЕМЫ 130

Степанова Ольга Борисовна

СТРАТЕГИИ ЗАГОТОВКИ И МЕТОДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРОВ У СЕВЕРНЫХ
СЕЛЬКУПОВ 132

Стручков Кирилл Намсараевич

ЯКУТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ,
ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТВЛЕЧЕННЫЕ ПОНЯТИЯ 133

Тимкин Тимофей Владимирович, Федина Наталья Никитовна

ЩЕЛЕВЫЕ СОГЛАСНЫЕ, ПЕРЕДАВАЕМЫЕ ГРАФЕМОЙ Ж, В ЧАЛКАНСКОМ
ЯЗЫКЕ ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ 135

Трофимова Светлана Менкеновна

ЛЕКСЕМА «ОВЦА» В МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ 137

<i>Озонова Айяна Алексеевна, Тюнтешева Елена Валерьевна, Кошкарева Наталья Борисовна, Тазранова Алена Робертовна</i>	
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОДНОЙ ЗЕМЛЕ В ЯЗЫКАХ СИБИРИ.....	139
<i>Убалехт Иван Павлович</i>	
ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТАХ С КОМИ НАСЕЛЕНИЕМ ЮГА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ	141
<i>Филимонова Елизавета Владимировна</i>	
ЦЕПОЧЕЧНЫЕ СИТУАЦИИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ	143
<i>Чёрная Мария Петровна</i>	
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТОМСКА: ОТ КОНСТАТАЦИИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ	145
<i>Чертыкова Мария Дмитриевна</i>	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МИРА БОГАТЫРЕЙ: НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЧЫ».....	147
<i>Чиндина Людмила Александровна</i>	
АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ДУЛЬЗОН В МОЕЙ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ.....	149
<i>Шамина Людмила Алексеевна</i>	
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ТУВИНСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ.....	151
<i>Шатохина Софья Александровна</i>	
ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	153
<i>Шестера Елена Александровна</i>	
ПРИГЛУШЕННЫЕ ГЛАСНЫЕ ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА	154
<i>Шиндрова Ксения Вячеславовна</i>	
ПАРАМЕТРЫ ПАЛАТАЛИЗАЦИИ В ЯЗЫКЕ МЕННОНИТОВ ПЛОТДИЧ (ПО ДАННЫМ АКУСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА).....	155
<i>Ikonnikova Olga</i>	
NOMINALS IN SALISH LANGUAGES IN DIACHRONIC PERSPECTIVE.....	157

Андреева Тамара Егоровна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

СО РАН (Якутск)

О РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНОГО $\bar{e}$ В ЗАИМСТВОВАННЫХ ЯКУТСКИХ СЛОВАХ

Введение. Процесс ассимиляции якутским языком языка эвенков РС(Я) начался в отдаленном прошлом и шел быстрыми темпами. Степень освоения якутского языка эвенками неодинакова. Эвенки среднего и старшего поколения хорошо и довольно устойчиво сохраняют родной язык и его фонетические нормы.

Цель и задачи. Основная цель – охарактеризовать реализации гласного $\bar{e}$ в эвенкийском языке.

Результаты исследований. Взаимовлиянию эвенкийского и якутского языков посвящены труды А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой [1964: 15–23], А. В. Романовой, А. Н. Мыреевой, П. П. Барашкова [1975: 30–85].

В отличие от эвенкийского в якутском языке 8 кратких гласных, 8 долгих и 4 дифтонга; в говорах эвенков Якутии 5 кратких и 6 долгих гласных, гласная фонема $\bar{e}$ всегда долгая; отсутствуют дифтонги. Рассмотрим реализации только гласного $\bar{e}$ эвенкийского языка. В восточных говорах, например, в токкинском и томмотском говорах (Олекминский и Алданский улусы РС(Я), а также в говоре эвенков качутского района Иркутской области гласный $\bar{e}$ дифтонгизируется и звучит как ' $\bar{e}$ ' [Афанасьева, 2006: 46]. В учурском говоре долгий гласный $\bar{e}$ произносится некоторыми эвенками более широко – ' $\bar{e}$ ' и употребляется обычно в первом слове наряду с произношением ' $\bar{e}$ '. Дифтонгоид ' $\bar{e}$ ' отмечается заимствованных якутских словах вместо дифтонгов *иэ*, *ыа* в открытом последнем слове эвенкийских междометий [Мыреева, 1964: 10] Дистрибуция ограничена – долгий гласный $\bar{e}$ в учурском говоре обычно встречается в первом слове после согласных, дифтонгоидная ' $\bar{e}$ ' может стоять и в начале, так и в конце слова: $\bar{e}xa \sim exa \sim '\bar{e}xa$ 'глаз'; $b\bar{e}\bar{e}a \sim b\bar{e}\bar{e}a \sim b'\bar{e}\bar{e}a$ 'месяц' и др. Из якутских дифтонгов *уо*, *ыа*, *иэ*, *үө* легче всего осваивается эвенками первой группы дифтонг *уо*; эвенки второй группы воспринимают его как долгий *о* родного языка. Одним из самых труднопроизносимых дифтонгов является *ыа*. Эвенки первой и второй групп в своем

произношении заменяют в якутских словах *ыа* долгим *ε* родного языка. Эвенки первой группы сохраняют дифтонг *иэ* в якутских словах. Эвенки же второй группы не воспринимают этот дифтонг на слух и в заимствованных словах заменяют его долгим *'ε* родного языка.

Литература

Афанасьева, Е. Ф. Проблемы фонетики и фонологии эвенкийского языка (на материале баргузинского говора) // Материалы XXXV Международной филологической конференции. – Вып. 20: Секция фонетики. В. 3 ч. – Ч.2. – СПб: 2006. – 49 с.

Романова, А. В., Мыреева, А. Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.; Л.: Наука, 1964. – С. 58–63.

Романова, А. В., Мыреева, А. Н., Барашков, П. П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. – Л.: Наука, 1975. – 208 с.

Барсуков Евгений Владирирович

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

Идимешев Асап Алексеевич

Томский государственный педагогический университет (Томск)

**«ПО СЛЕДАМ» А.П. ДУЛЬЗОНА: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В
БАССЕЙНЕ Р. КЕТИ В 2020 ГОДУ ¹**

Река Кеть является одним из самых протяженных обских притоков правобережья. Общая длина этого водотока составляет 1621 км, из них 805 км приходится на территорию Томской области [Евсеева, 1971: 135]. Первые сведения об археологических памятниках в бассейне Кети были получены в конце XIX начале XX вв. Однако целенаправленные археологические исследования разворачиваются только в 1950-ых гг. в рамках комплексных экспедиций, нацеленных на изучение языка, материальной культуры, древней истории местного населения [Галкина, 2003]. Одним из руководителей этих исследований являлся Андрей Петрович, который первым провел полноценное обследование берегов основного русла Кети до границы области. Эти данные были использованы при подготовке первого свода археологических памятников Томской области, изданного в 1956 г. [Дульзон, 1956]. Работы А. П. Дульзона определили вектор исследований объектов древней и средневековой истории Прикетья на многие десятилетия. Тем не менее, к настоящему моменту бассейн Кети в археологическом отношении изучен неравномерно. Удовлетворительно обследованы берега основного русла, где значительная часть объектов была открыта именно А. П. Дульзоном. Однако правобережные кетские притоки до настоящего времени остаются «белым пятном» на археологической карте области. Одна из причин особенности транспортной инфраструктуры Прикетья, сухопутные пути локализуются по большей части на левом берегу. Правобережье Кети, в особенности ее правые притоки, остаются труднодоступными для исследователей.

В 2020 г. археологам удалось провести рекогносцировочные археологические исследования в долине р. Орловки, являющейся одним из крупнейших притоков Кети. Эту реку в 1950 г. посещала антропологическая экспедиция под руководством Н. С. Розова, изучавшая местное эвенкийское население. Археологами ее берега не

¹ Работа выполнена по теме Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

обследовались. Работы 2020 г. стали возможны благодаря энтузиазму местных жителей, прежде всего В.П. Попова, информанта и проводника экспедиции.

Результатом экспедиции явилось обследование двух крупных археологических поселенческих комплексов в среднем и верхнем течении Орловки. Один располагается на ее небольшом притоке р. Тура, другой в районе устья р. Вторая речка. Примечательным является выявление городища с круговой линией обороны в поселенческом комплексе на Второй речке. Подобные памятники известны только на Обь-Енисейском канале [Боброва, Березовская, Барсуков, 2015]. Бассейн р. Орловки являлся местом кочевий эвенков. В ходе экспедиции удалось зафиксировать остатки стойбищ второй половины XX в., а также эвенкийские погребения этого периода.

Проведенные исследования указывают на перспективность правобережных кетских притоков не только в археологическом отношении, но и в плане выявления руинированных этнографических объектов.

Литература

Боброва, А. И., Барсуков, Е. В., Березовская Н.В. Городища раннего железного века на Верхней Кети // Человек и север: антропология, археология, экология. – Тюмень. – 2015. – С. 109–203.

Галкина, Т. В. Томская лингвистическая школа А.П. Дульзона. – Томск. – 2003. – 319 с.

Дульзон, А. П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск. – 1956. – Т. 5. – С. 89–317.

Евсеева, Н. С. География Томской области. Природные условия и ресурсы. – Томск. – 2001. – С. 222.

ДИАЛЕКТНАЯ ОСНОВА ПЕРВЫХ УДМУРТСКИХ ПЕРЕВОДОВ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

На сегодняшний день известно о двух рукописях Евангелия от Луки на удмуртском языке начала XIX в. Они находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 94, оп. 1, д. 245) и в Российском государственном историческом архиве (ф. 808, оп. 1, 1821 г., д. 177). Относительно диалектной принадлежности этих источников сегодня существуют разные точки зрения. Диалектной основой перевода из Архива РАН, как отмечает Л. М. Ившин, является севернoudмуртское наречие [Ившин, 2011: 70]. В основе рукописи из РГИА, по мнению Б. И. Каракулова, также лежит северное наречие [Каракулов, 2006: 127], а, по данным П. Н. Луппова, – елабужское [Лупповъ, 1905: 11].

Опыт описания удмуртских письменных памятников XIX в. показывает, что для определения их диалектной принадлежности не обязательно сравнивать языковые особенности источника с письменным памятником того же периода, диалектная основа которого эксплицитно указана. Сопоставление письменных источников с современными диалектами также дает достоверный результат, но при этом следует помнить, что принадлежность памятников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов.

В результате анализа в рукописи из Архива РАН на фонетико-морфологическом уровне нами было выявлено пять инновационных явлений:

- 1) прогрессивная лабиальная ассимиляция;
- 2) выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения перед суффиксом сослагательного наклонения *-салъ*, показателем инфинитива *-ны* и маркерами деепричастий *-са* и *-тэкъ*;
- 3) употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства;
- 4) образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с конечным *-ты*- основы с помощью суффикса *-чк*-;
- 5) маркировка деепричастий с временным значением показателем *-ку*.

В переводе Евангелия от Луки из РГИА было выявлено три инновации:

1) употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства;

2) маркировка возвратного залога от глаголов I спряжения с конечным *-ты-* основы суффиксом *-ск(ы)-*;

3) оформление деепричастий с временным значением показателем *-ку(-)*.

Все выявленные в памятниках инновации представлены в современных северноудмуртских говорах, в связи с чем можно предположить, что в основе переводов лежит северное наречие.

Литература

Ившин, Л. М. Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2011. – №3. – С. 30–37.

Каракулов, Б. И. История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 208 с.

Лупповъ, П. Н. О первыхъ вотскихъ переводахъ источниковъ христiанскаго просвѣщенiя: Очеркъ изъ исторiи инородческихъ переводовъ. – Казань: Центральная Типографiя, 1905. – 25 с.

**ОБ ИСКОННЫХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ МОРФЕМАХ:
ПОКАЗАТЕЛИ КАУЗАТИВА В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ**

В данном докладе мы рассмотрим свойства двух морфологических показателей каузатива в татышлинском говоре удмуртского языка (пермские < финно-угорские, респ. Башкортостан; материал собран методом анкетирования носителей в ходе экспедиций в 2021–2023 гг.). Инвентарь каузативных морфем в исследуемом говоре представлен двум суффиксами (см. [Baidoullina, 2003]): общеуральским *-t*, когнаты которого присутствуют также в литературном удмуртском [Tánczos, 2015] и в других уральских языках [Dolovai, 2006], и тюркским по происхождению *-ttâr*, который отсутствует в литературном, но встречается в других южно-периферийных говорах удмуртского языка [Кельмаков, 1998]. Два каузативных показателя не находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, то есть могут употребляться с одними и теми же глагольными основами (1), но при этом демонстрируют различия по ряду параметров. В докладе мы, в числе прочих, обсудим следующие различия.

Во-первых, *-ttâr*, в отличие от *-t*, может выражать как единичную, так и двойную каузацию (2). Вместе с тем есть аргументы против того, чтобы членить данный показатель на *-t* и *-ttâr*; в частности, *-t* может служить вербализатором и присоединяться напрямую к именным основам, тогда как *-ttâr* – нет.

- (1) *Ataj-ez maša-jez lăʒʒ'â-t-i-z / lăʒʒ'â-ttâr-i-z.*
отец-POSS.3SG Маша-ACC читать-CAUS-PST-3SG читать-CAUS-PST-3SG
'Отец заставил Машу читать'.

- (2) *Ataj-ez maša-jez ekog-ze lăʒʒ'â-ttâr-i-z.*
отец-POSS.3SG Маша-ACC брат-ACC.POSS.SG читать-CAUS-PST-3SG
'Отец заставил Машу заставить младшего брата читать'.

Во-вторых, в ряде идиолектов (примерно у половины опрошенных носителей) показатель *-ttâr* вызывает дополнительные семантические приращения интенсификации действий Каузатора, характерные для двойных каузативов [Kulikov, 1993] (3). В двух предполагаемых тюркских языках-источниках – татарском [Бонч-Осмоловская, 2007] и башкирском [Перехвальская, 2017], насколько нам известно, соответствующий показатель *-tVr* не имеет подобных семантических приращений.

- (3) a. *Ruslan nâlpî-jos-tâ* *iz'â-t-i-z.*
 Руслан ребенок-PL-ACC спать-CAUS-PST-3SG
 'Руслан уложил детей спать'.
- b. *Ruslan nâlpî-jos-tâ* *iz'â-ttâr-i-z.*
 Руслан ребенок-PL-ACC спать-CAUS-PST-3SG
 'Руслан дал детям таблетки для сна, уложил принудительно'.

Таким образом, татышлинский суффикс *-t* сходен с соответствующим литературным суффиксом и отвечает типологическим ожиданиям. Показатель *-ttâr*, в свою очередь, был, вероятно, заимствован из тюркских идиомов как двойной каузатив и переинтерпретирован как одинарный уже внутри татышлинского говора.

Литература

- Бонч-Осмоловская, М. А. Семантика актантных дериваций // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / Лютикова, Е. А. и др. (ред.). – Казань: Магариф, 2007. – С. 143–192.
- Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. – Ижевск: Удмуртия, 1998.
- Перехвальская, Е. В. Каузативные конструкции в башкирском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. – 2017. Т. 13. – С. 231–254.
- Baidoullina, A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. – Магистерская диссертация. – Tartu, 2003.
- Dolovai, D. A műveltetés és a műveltető szerkezetek // *Uralisztika*. / I. Kozmács, K. Sipőcz (eds.). – Budapest: Bölcsész Konzorcium, 2006. – pp. 147–165.
- Kulikov, L. Causatives // *Language typology and language universals. An international handbook*. / Haspelmath, M. et al. (eds.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. Vol. 2. – pp. 886–898.
- Tánczos, O. Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language. – PhD thesis. – Budapest, 2015.

Боброва Анна Ивановна

Томский областной краеведческий музей (Томск)

Рыкун Марина Петровна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)

**СЕЛЬКУПЫ В НАРЫМСКОМ ПРИОБЬЕ В XV–XVII ВВ.
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ)**

Проблема происхождения современных коренных народов пока далека от своего окончательного решения. Район Нарымского Приобья является основной территорией расселения южной группы селькупов. В их этногенезе на основании археологических источников выявлены автохтонный, тюркский и угорский компоненты. Исследование погребальных памятников XV–XVII вв. на данной территории позволило выделить четыре типа обряда. Наличие их свидетельствует о сформировавшихся к XVII веку диалектно-локальных группах селькупского этноса, проживавших по рекам Тым, Кеть, в Обско-Чаинском и Обско-Чулымском междуречье.

Основу антропологического типа нарымских селькупов, как и ряда современных групп Западной Сибири – чулымских, томских и тоболо-иртышских тюрков – составляет низколицый монголоидный компонент, генетически связанный с таежным населением. В их расогенезе, особенно на ранних стадиях, преобладающим расообразующим фактором являлось сохранение протоморфных недифференцированных расовых черт, чему способствовала географическая изоляция. И только на более поздних стадиях расогенеза все более заметную роль начинают играть метисационные процессы с территориально ближайшими соседями.

Освоение региона русскими в XVII в. вызвало миграции отдельных семей на север и северо-восток. Оставшиеся налаживали контакты с пришельцами, осваивали новые виды хозяйственной деятельности (скотоводство, земледелие). Появление новаций сказалось на материальной и духовной сферах культуры нарымских селькупов. В отличие от погребального обряда, традиционная материальная культура в XVII веке уже оказалась снивелированной, благодаря потоку российского импорта. В Обь-Чаинском междуречье это сказалось и в обряде погребения, но на реках Тым и Кеть традиционный обряд сохранялся до XIX в.

Богайчук Елена Андреевна

Алтайский государственный университет (Барнаул)

Бычков Дмитрий Александрович

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

Идимешев Асап Алексеевич

Томский государственный педагогический университет (Томск)

**ПОСЕЛЕНИЕ САМУСЬКА III (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ):
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ РАБОТ 2018–2019 ГОДОВ**

Самусьский археологический микрорайон послужил значимым местом в процессе построения культурно-хронологических схем Томского Приобья [Косарев, 1981; Матющенко, 1973; Плетнева, 1977]. И в настоящее время является активно изучаемой территорией.

Полевые исследования на поселении Самуська III, которое расположено на первой правобережной надпойменной террасе р. Томь, осуществлялись в 2016, 2018, 2019 гг. В результате исследования памятника были обнаружены фрагменты керамических сосудов, относящихся к периодам позднего неолита-энеолита, ранней-развитой бронзы и раннего железа. Также обнаружены каменные изделия, продукты расщепления камня и минеральные пигменты, аналогии которых встречаются в материалах самусьской культуры.

В шурфе 2018 г. на стратиграфическом уровне, относящемся к самусьской культуре, было обнаружено скопление артефактов, расположенных в непосредственной близости. Не исключено, что предметы были положены вместе преднамеренно. Предположительно данное скопление связано с пятном, которое может являться погребением. Из-за свойств почв костные остатки могли не сохраниться. Подобное предположение уместно, учитывая, что пятно имеет вытянутую форму и ориентировано по линии ЮЗ-СВ. На границе пятна обнаружен фрагмент древесного угля, который был отобран для датирования.

Калиброванная радиоуглеродная дата относится к кон. XVII – сер. XV вв. до н.э. С учетом тенденции удревнения культур периода ранней-развитой бронзы Западной Сибири полученная дата относится к позднему этапу самусьской культуры [Молодин, Глушков, 1989: 163; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014].

Полученные абсолютные даты, зафиксированные технологические этапы изготовления краски и набор предметов, которые можно интерпретировать как приклад

позволяют внести новые данные в реконструкцию системы жизнеобеспечения и производства древнего населения Томского Приобья.

Литература

Косарев, М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – Москва: Наук, 1981. – 278 с.

Матющенко, В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. – Часть 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. – Томск: Издательство Томского университета, 1973. – Вып. 10. – 212 с.

Молодин, В. И., Глушков, И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Молодин, В. И., Епимахов, А.В., Марченко, Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 136–167.

Плетнева, Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1977. – 150 с.

ЛЕКСИКА ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В НАНАЙСКИХ ШАМАНСКИХ КАМЛАНИЯХ

Тексты нанайских традиционных шаманских камланий понимаются аудиторией лишь отчасти, и это воспринимается как само собой разумеющееся, не требующее дополнительных разъяснений. Данное обстоятельство объясняется в некоторой степени использованием шаманами специальной лексики ограниченного употребления, не используемой в обиходной речи и не распознаваемой непосвященной аудиторией камлания. (Как правило, это слова, не зафиксированные в словарях – *дэкасо, дёргил, гора, дёгдян, вэю, кова* и другие). Можно указать на две группы таких специальных шаманских слов. Во-первых, это наличие лакун фоновых шаманских знаний, касающихся реалий духовного мира, разделяемых небольшой группой посвященных шаманов и недоступных для остальных коммуникантов. Субъективизм и закрытость шаманской практики требует недосказанности, эллипсисов в тексте камлания, формирует пласт табуированной лексики, эвфемизмов и архаизмов. Во-вторых, это акцент на общении во время камлания не со слушателями, а с духами, что требует применения понятного духам языка или, как утверждают шаманы, даже предоставления духам своего тела как инструмента, с помощью которого духи сами артикулируются нужные им слова. Это включение в текст отдельных иноязычных слов и периодический переход на другой язык, неизвестный ни слушателям, ни, как считается, самому шаману, а также использование глоссолалии. Кроме того, это ритмичные возгласы фонетически оформленные и издаваемые посредством уст шамана самими духами (например, *хогого-хогого*), а также особые асемантические слова-попевки, используемые шаманами исключительно в камланиях (*хэрирей, хэрэ, гиэ, сиэ* и другие). Слова второй группы являются словами-попевками потому, что не артикулируются вне определенного ритма и музыкальной напевной интонации. К этой же группе относится часто используемая аллитерация, которая трактуется шаманами как некий вид имитации *хэсэ амдаори* (подражание звучанию предыдущего слова), которая применяется в камлании не столько из эстетических соображений, сколько из потребности привлечения и удержания внимания духов, которые, как утверждают

носители традиции, лучше слышат не обычную речь, но речь напевную и ритмически оформленную.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ РОДОВ СЫМСКИХ ЭВЕНКОВ ПО
МАТЕРИАЛАМ К. М. РЫЧКОВА**

Публикация посвящена неразработанной теме происхождения названий эвенкийских родов на примере локальной группы сымских эвенков. Материалом исследования послужили тексты генеалогических преданий, записанные К. М. Рычковым, хранящиеся в фондах Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН [АВИВР РАН, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6б]. В исследовании на основе лексического анализа и содержания генеалогических преданий представлена попытка определения этимологии этнонимов родового уровня.

По содержанию предания род *Баяки* получил своё название в связи со значительным числом поголовья домашних оленей [Там же, лл. 93–94]. *Баяки* – досл. ‘Разбогатевший’, ‘Богатый’, образована от *бая(н)*- ‘разбогатеть’ [ССТМЯ, 1975: 65]. Происхождение названий родо *Кемо* и *Килтыңэ* объясняется особенностями внешности основателей рода [АВИВР РАН, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6б, лл. 94, 167]. *Кемо* досл. ‘Светловолосый’, от *кемо* ‘светлый’, ‘светловолосый’ [ССТМЯ, 1975: 386, 388; TD, 1944: 70]. *Килтыңэ* «С большими вывернутыми губами», от *кил*-, *кин*-, *киң*- ‘согнуть’, ‘загнуть’ [ССТМЯ, 1975: 392]. Этимология названий родов *Кима*, *Кима-Кошка* и *Таңинма* связывается со случаями, произошедшими с родоначальниками патронимий [АВИВР РАН, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6б, лл. 94, 168]. *Кима*, *Кима-Кошка* досл. ‘Якорь’, ‘Якорь-кошка’, от *кима* ‘якорь’, «грузило рыболовной снасти» [ЭРС, ч. 1, 2000: 286; ЭРС, 2004: 283]. *Таңинма* досл. ‘Рассчитавшийся’, в значении ‘Поквитавшийся’, от *таңин-ми* ‘рассчитать’, ‘посчитать’ [ЭРС, ч. 2, 2000: 96; ССТМЯ, 1977: 161]. Название рода *Чамба* связывается в текстах преданий сымских эвенков с именем основателя – старика, имевшего дефект речи [АВИВР РАН, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6б, лл. 93–94]. *Чамба* досл. ‘Невнятная речь’, от *чамба-ми* ‘бормотать, невнятно говорить’ [ЭРС, ч. 2, 2000: 318; ЭРС, 2004: 711; ССТМЯ, 1977: 406].

Таким образом, тексты генеалогических преданий эвенков представляют собой лингвистический, исторический, этнографический источник, позволяющий определить исходную этимологию названий рода. Этимология антропонимов родового уровня эвенков охватывает обширное поле значений, связанных с этнографическими и

мировоззренческими традициями, а так же связана с деятельностью исторических лиц – основателей патронимий.

Литература

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ССТМЯ) / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975. – Т. 1. – 672 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ССТМЯ) / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука, 1977. – Т. 2. 992 с.

Эвенкийско-русский словарь. Ч. 1. (ЭРС, ч. 1) / сост. Б. В. Болдырев. – Новосибирск: Наука, 2000. – Ч. 1: А–П. – 503 с.

Эвенкийско-русский словарь Ч. 2. (ЭРС, ч. 2) / сост. Б. В. Болдырев. – Новосибирск: Наука, 2000. – Ч. 1: Р–Я. – 484 с.

Эвенкийско-русский словарь (ЭРС) / сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.

A Tungus Dictionary (TD): Tungus-Russian and Russian-Tungus, photogaved from manuscripts / Ed. S. M. Shirokogoroff. – Tokyo: The Minzokugaku Kyokai, 1944. – 256 p.

**ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ЗАЛОГОВЫХ ЧЕРЕДОВАНИЯХ ЯКУТСКОГО
ЯЗЫКА**

Цель данной работы – показать, как различные операции с валентностью глагола меняют его аргументную структуру – число актантов, связанных с данным предикатом, особенности синтаксической реализации этих актантов – и влияют на винительный падеж в якутском языке. Обсуждение ведется в рамках Тета-системы [Reinhart, 2003; Reinhart, Siloni, 2005; Reinhart et al., 2016]. Будет показано, что ряд залоговых чередований в якутском языке может возникать в результате взаимодействия между тремя операциями, затрагивающими валентность глагола, а именно редукцией, объединением и насыщением, и двумя параметрами: параметром структурного падежа и лексико-синтаксическим параметром. Предполагается, что в якутском языке отсутствует структурный компонент винительного падежа. Также будет утверждаться, что только редукция параметризована для применения в лексиконе. Для двух других операций с валентностью – объединения и насыщения, которые лежат в основе рефлексивных и пассивных залогов, лексико-синтаксический параметр остается неопределенным.

Литература

Reinhart, T. The Theta System – An Overview // Theoretical Linguistics. – 2003. № 28 (3). – pp. 229–290.

Reinhart, T., Siloni, T. The lexicon-syntax parameter: Reflexivization and other arity operations // Linguistic Inquiry. – 2005. – № 36.3. – pp. 389–436.

Reinhart, T. (auth.), Everaert, M., Marelj, M., Reuland, E. (eds.). Concepts, syntax and their interface: The Theta System. – Cambridge (MA): MIT Press, 2016. – 288 p.

РЕИНКАРНАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОБЫЧАЯХ НУМТОВСКИХ НЕНЦЕВ

Материалы нумтовских лесных ненцев, зафиксированные автором в марте 2023 г., свидетельствуют об активном бытовании у них традиций, связанных с верой в возрождение душ предков [Волдина, 2023: 314–323]. Отсутствие подобных обычаев среди тундровых ненцев и пуровских лесных ненцев, а также использование для обозначения понятия реинкарнировать слова «*яксаты*» из языка казымских хантов, указывают на то, что эти традиции развивались под влиянием соседней хантыйской культуры. В то же время стоит отметить представления и ритуалы, отличающие их от хантыйских. Так, в обрядах определения возродившейся души в семьях ненцев Нумто обычно прибегают к мужскому гаданию на топоре (в хантыйской культуре в данном случае этот способ мало применим). В родильных обрядах нумтовских ненцев также проводят гадание на оленьих жилах, исторически оно не связано с традициями реинкарнации и было направлено на определение судьбы ребёнка. В смешанных хантыйско-ненецких семьях распространено типичное для хантов гадание с поднятием младенца, а также определение возродившегося предка через сновидения. Нередко люди могли установить, чья душа возродилась, просто внимательно посмотрев на ребёнка.

Вера в реинкарнацию находит выражение в обычае наречения ребёнка именем предка, душа которого в нём воплотилась. Это ярко проявлено в культуре нумтовских ненцев: такое имя считается вторым и имеет охранительное значение. В то же время этот обычай противоречит мировоззрению пуровских ненцев, где традиции реинкарнации не проявлены и существует запрет на произнесение имён умерших.

В отличие от обских угров у нумтовских ненцев нет представлений о возможном воплощении предка в нескольких младенцах. Это объясняется тем, что имя предка после его смерти передаётся только одному потомку. А также нет информации о личном духе-охранителе «головой», у хантов она устанавливается одновременно с выяснением имени предка – возродившейся души.

Среди общих моментов, свойственных традициям лесных ненцев Нумто и казымских хантов, – важность определения реинкарнировавшей души, выявление

сходства между живущими людьми и воплотившимися в них предками, обычай рассказывать детям о тех, чью душу они унаследовали.

Литература

Волдина, Т. В. Традиции реинкарнации в культуре лесных ненцев Нумто // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 314–323.

ДРЕВНЕЙШИЕ КОНСТРУКЦИИ ИЗ ЯЗЫКА ЙОРУБА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Доклад посвящён сопоставительному анализу одного из самых распространенных африканских языков *йоруба* с некоторыми индоевропейскими языками.

Дело в том, что еще в 80-е годы прошлого столетия на международном лингвистическом форуме, проходившем на Мадагаскаре, многие африканские участники высказывали недоумение по поводу того, что практически все лингвистические работы исходят из европоцентристских положений.

Как известно, если выделить из общей субстанции содержания, т.е. всего множества идей и субстанции формы (по Л. Ельмслеву), то только минимальную их часть использовали и используют люди как *homo sapiens*.

Знакомство с работами авторов по языку *йоруба* показывает, что язык *йоруба* для реализации коммуникативной функции применяет не только средства, характерные для сравниваемых аналитических и синтетических, а также для корневых (напр. китайского) языков, взяв на вооружение лексико-грамматическое использование тона.

Сопоставительное исследование специфики грамматического строя автохтонного языка *йоруба*, в частности, его функциональных особенностей подлежащего и влияния одухотворенных сверхъестественных сил, на все стороны его жизни позволяет нам понять, что и сравниваемые так называемые старые языки также начинали с подобных конструкций. Речь идет об использовании формальных подлежащих: в английском, немецком, и например во французском *il pleut* ‘идет дождь’ досл. ‘Он (Бог) плачет’.

Главан Анна Андреевна

Сургутский государственный университет (Сургут)

Таджибова Аксана Наруллаховна

Сургутский государственный университет (Сургут)

**К ВОПРОСУ ОТОБРАЖЕНИЯ СРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В
СОВРЕМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ СУРГУТСКОГО ДИАЛЕКТА
ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА**

Благодаря созданному Н. И. Тершкиным в 1959 г. алфавиту сургутского диалекта, относительно точно отражавшему его фонетическую систему, и активной работе автора многочисленных учебников, словарей, сборников фольклорных материалов А. С. Песиковой (Сопочиной) орфография сургутского диалекта длительное время не нуждалась в реформировании, хотя и содержала ряд непоследовательностей. Отсутствие в кириллице букв, способных обозначить специфические фонемы сургутского диалекта, а также слоговой принцип, заимствованный из русской орфографии, послужили причинами того, что среднеязычным согласным звукам [λ'], [ń], [t'] до начала 21 в. соответствовали буквосочетания *ль, нь, ть*. Это вело к тому, что учащиеся произносили их как палатальные переднеязычные, что противоречило фонологической системе хантыйского языка.

Разнобой в написании одних и тех же слов потребовал осуществления деятельности по совершенствованию графики и орфографии хантыйского языка. В 2013 г. научным сообществом Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), Новосибирской научной школы (Н.Б. Кошкарева) и зарубежными исследователями хантыйского языка (М. Чепреги) был принят усовершенствованный алфавит основных диалектов хантыйского языка, в т.ч. сургутского, базировавшийся на фонематическом принципе [Кошкарева, 2013; Соловар, 2017]. Для обозначения среднеязычных хантыйских согласных [λ'], [ń], [t'] были введены новые графемы: *Љь, Њь, Ћь*.

Начиная с 2015 г., работы, посвященные сургутскому диалекту, стали издаваться с учетом норм, разработанных в 2013 г. [Волкова, Соловар, 2016, 2018; Чепреги, 2015, 2017; Каюкова, Сопочина, 2018; Балалаева, Сурломкина, Уигет, 2021]. Однако несмотря на обучающие семинары в области нормирования хантыйской письменности и графики в публикациях на сургутском диалекте, напечатанных за последние 10 лет,

снова обнаруживаются буквосочетания *дь, нь, ть* [Нахрачева, Шиянова, 2020; Песикова, Лаптева, 2020; Карчина, Обирова, 2022].

Причинами отсутствия единообразия графического оформления печатных изданий на сургутском диалекте полагаем:

1. Отсутствие знаков для специфических хантыйских букв в международном стандарте Юникод. Для компьютерного набора текстов применяются преимущественно шрифты PT Sans, PT Serif, Charis, Doulos; используется экспериментальный вариант хантыйской раскладки клавиатуры.

2. Отсутствие четкой государственной языковой политики: актуализированные алфавиты диалектов хантыйского языка, принятые в 2013 г., так и не были утверждены на законодательном уровне.

Представляется, что принятое в 2021 г. Постановление Правительства РФ «О порядке утверждения норм языков коренных малочисленных народов Российской Федерации, правил орфографии и пунктуации этих языков» поспособствует решению проблем в области совершенствования хантыйской письменности и графики. Помимо стандартизации письменности насущным является также усовершенствование техники компьютерного набора специфических букв хантыйского алфавита.

Литература

Балалаева, О. Э., Сурломкина, Е. П., Уигет, Э. О. Голоса Югана: сборник фольклора Йавэн-Йах. – Сургут: Печатный двор, 2021. – 140 с.

Волкова А. Н., Соловар В. Н. Краткий русско-хантыйский словарь (сургутский диалект). – Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2016. – 100 с.

Волкова А. Н., Соловар В. Н. Хантыйско-русский тематический словарь (сургутский диалект) / отв. ред. З. С. Рябчикова. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – 212 с.

Кошкарева, Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3 (14). С. 47–78.

Нахрачева, Г. Л., Шиянова А. А. Занимательная математика на хантыйском языке (сургутский диалект) / Г. Л. Нахрачева, А. А. Шиянова. Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры, БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок». – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2020. – 28 с.

Песикова, А. С., Лаптева, Г. П. Хантыйский язык (сургутский диалект). 4 класс : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / А. С. Песикова, Г. П. Лаптева. – СПб. : Филиал изд-ва «Просвещение», 2020. – 191 с.

Постановление Правительства РФ от 7 октября 2021 г. N 1702 «О порядке утверждения норм языков коренных малочисленных народов Российской Федерации, правил орфографии и пунктуации этих языков». URL: <https://base.garant.ru/402900631/> (дата обращения: 31.07.2023).

Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник / авт.- сост. Марта Чепреги; под ред. А. С. Песиковой. Перевод на русский язык: Т. А. Ефремова и А. С. Песикова. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2015. – 118 с.

Соловар, В. Н. Актуальные вопросы совершенствования письменности хантыйского языка // Сб. материалов Международной науч.конф. (16-17 марта 2017 г., Сыктывкар). С. 195 – 199. URL: https://ouipiir.ru/sites/default/files/docs/solovar_v.n._aktualnye_voprosy_sovershenstvovaniya_pismennosti_hantyyskogo_yazyka_.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

Чепреги, М. Сургутский диалект хантыйского языка /авт. Марта Чепреги; под ред. Н. Б. Кошкаревой; редактор хантыйского текста А. С. Песикова. Перевод на русский язык: Т. А. Ефремова. – Воронеж: ООО «Издат-Принт», 2017. – 275 с.

Ими җолҗәх панә Аңәл. Тётушкин племянник. Хантыйская народная сказка (сургутский диалект) / Сост., пер. на рус. яз. Л. Н. Каюкова; ред. текста на хант. яз. А. С. Сопочина; ред. текста на рус. яз. О. Д. Ерныхова; пер. на англ. яз. О. Ю. Динисламовой. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. – 20 с.

Моньть кат най имиҳән илты. Сказка о двух очагах. The Tale about Two Hearths: хантыйская сказка (сургутский диалект) / сост., пер. на рус. яз. В. В. Карчина, А. Е. Обирина; ред. рус. текста О. Д. Ерныхова, ред. хант. текста А. С. Сопочина; пер. на англ. яз. О. Ю. Динисламова. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2022. – 14 с.

Головизнин Марк Васильевич

Московский Государственный медико-стоматологический университет

им. А. И. Евдокимова (Москва)

**«АФРИКА БЕЗ ГРАНИЦ» В ДИСКУРСЕ НАУЧНОГО ТУРИЗМА:
ВИЗИТ К СУЛТАНУ СОКОТО; НАЙРОБИ-«NAIROBBERY» И
ЛЕПРОЗОРИЙ В АДДИС-АБЕБЕ»**

С древних времен энтузиасты межкультурного диалога делились на две категории. Первые, как Геродот, собирали, систематизировали и критически оценивали сведения о дальних и ближних странах, оставив потомкам основы современных сравнительных наук о Земле и обществе. Другая категория, как например, Ибн Батутта и Марко Поло, сами путешествовали всю сознательную жизнь, объехав большую часть известной в те годы «ойкумены». Они выстроили директорию глобальных познавательных путешествий. Из двух вышеупомянутых личностей один – коммерсант, другой, выражаясь современным языком, правовед и практический юрист, изначально пытались в далеких странах реализовать себя по прямому предназначению, однако, оба оставили потомкам багаж знаний, выходящий далеко за пределы их конкретных специальностей. Конец эпохи Возрождения знаменовал и уход в прошлое эры энциклопедистов. История, география, будь то аналитическая наука или же научные экспедиции все больше становились уделом профессионалов. Ситуация снова стала меняться в XXI веке, когда по признанию ведущих центров мира, научные открытия стали возможны лишь в рамках меж- и мультидисциплинарности. Более того, современные концепции инноваций предполагают «трансдисциплинарность» – выход научного мировоззрения за пределы рамок дисциплин и научных парадигм. Добавим, что в этом случае «размывание» научного коллектива некоторым количеством непрофессионалов не всегда есть недостаток, так как позволяет преодолеть корпоративность ученого сословия, сформировать взгляд «со стороны» на изучаемый объект, что часто дает неожиданные позитивные результаты. В этой связи важно заострить внимание на свойствах, отличающих научный туризм от других видов познавательной деятельности. Первое: научный туризм должен не просто расширять познание мира, но давать конкретную научную продукцию в виде новых гипотез, или их проверки новыми фактами. Это выражалось бы в написании статей, докладов, проектов и др. Второе: субъект научного туризма не должен быть узким специалистом по отношению к интересующим его явлениям. Его деятельность междисциплинарна по

определению, цели более широкие, а задачи менее специализированы, чем у участника научной экспедиции. Так, в частности, научный разговор о лепре, или «лихорадке Эбола», будет неполным без подробного описания исторического и социального контекста, в котором эти инфекции существуют, в частности – в Африке. В докладе автор, врач и преподаватель вуза, имеет целью осветить результаты своих, как профессиональных, так и социогуманитарных наблюдений, произведенных в странах Западной и Восточной Африке – Мали, Сенегале, Гвинее, Кении, Танзании и Эфиопии.

**ЯДЕРНАЯ ЛЕКСИКА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ СО
ЗНАЧЕНИЕМ ОБЛАДАНИЯ ЯЗЫКА НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ
*PLAUTDIETSCH***

Plautdietsch – уникальный идиом, не обладающий на сегодняшний день определенным языковым статусом. На данный момент мнения исследователей расходятся: одни придерживаются позиции, что *Plautdietsch* – один из диалектов немецкого языка, другие – выделяют *Plautdietsch* как самостоятельный язык. В нашем исследовании *Plautdietsch* определяется как язык, например, в силу широкого ареала распространения (Канада, Россия, Германия, Америка, Казахстан и др.). Кроме того, *Plautdietsch* находится под защитой Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, по определению хартии – диалекты под защиту не попадают. Также важно отметить, что *Plautdietsch* может считаться самостоятельным языком из-за наличия собственных диалектов.

Одной из возможностей приблизиться к установлению языкового статуса *Plautdietsch* являются контрастивные исследования. В нашей работе сопоставляются ядерные и периферийные лексемы семантического поля обладания *Plautdietsch* немцев-меннонитов Сибири с лексемами материнского немецкого языка и контактного русского языка. Цель заключается в выявлении степени схожести «образа» обладания в языковом сознании носителей упомянутых языков, а также в установлении уникальности ядерных компонентов в *Plautdietsch*.

В ходе анализа реакций ассоциативного эксперимента посредством составления семантических групп нами было установлено, что носители *Plautdietsch* ассоциируют обладание с такими компонентами, как «Интеракция» (*beride* (*бэриде*) ‘уговаривать’), «Состояние и опыт» (*vielet derchmoke* ‘много пережить’), «Хозяйство и быт» (*вы(э)ршафт* ‘хозяйство’), «Благосостояние и достаток» (*мийн мон бээетцт эн оут* ‘у моего мужа есть машина’) и «Характеристики» (*schtotj* ‘быстро’).

Ключевыми группами для немецкого языка стали «Овладение» (*kriegen* ‘получать’), «Финансовое состояние и достаток» (*Reichtum* ‘богатство’), «Состояние человека и опыт» (*Lebenserfahrung* ‘жизненный опыт’) и «Собственность» (*vermögen* ‘обладать какой-либо собственностью’). Для русского языка – «Интеракция»

(*требовать*), «Состояние и опыт» (*удовольствие*), «Информация» (*тайна*) и «Действия» (*преследовать*).

Таким образом, было выявлено, что все рассматриваемые языки имеют пересечения семантических групп. Так, для ядра *Plautdietsch* и немецкого языка характерны группы «Благосостояние» / «Финансовое состояние и достаток» и «Состояние человека и опыт». Последняя группа типична и для русского языка, связанного с *Plautdietsch* также лидирующим компонентом «Интеракция».

Тем не менее «образ» обладания в языковом сознании немцев-меннонитов может считаться уникальным. Несмотря на большую связь с немецким языком, сам «образ» обладания в *Plautdietsch* шире и является менее эгоцентричным: обладание в немецком языке связывается в первую очередь с материальными благами и собственным состоянием – восприятие мира «через себя», в *Plautdietsch* обладание ассоциируется также с взаимодействием с кем-либо и с характеристиками чего-либо – восприятие не только «через себя», но и через других людей и объекты действительности.

**ОБСКО-УГОРСКИЕ И ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЕ МОТИВНЫЕ
ПАРАЛЛЕЛИ СКАЗОЧНЫХ ПОВЕСТВОВАНИЙ О БАБУШКИНОМ ВНУКЕ**

В докладе описывается мотивный фонд сказочных повествований об Ими Хилы в хантыйской фольклорной традиции и Эква Пыгрище в мансийской. В анализе задействовано 22 текста на хантыйском и 16 текстов на мансийском языках. На данный момент выделено 29 общих мотивов, которые интерпретируются как филогенетические признаки [Hennig, 1979]. Среди выделенных мотивов: чудесное рождение, безкалымная жена, женитьба героя, исчезнувшая невеста, нарушение запрета, липкая ловушка, месть за отца, убийство детей антагониста и пр. Каждый из мотивов рассматривается в комплексе своих вариантов или алломотивов. Так, среди вариантов чудесного рождения, выявленных в обско-угорской традиции, можно назвать следующие: протагонист родился из колена женщины / был найден в моршке / появился из лиственницы. Филогенетический анализ позволил установить степень сходства между данными вербальными традициями.

Наряду с мотивным был проведен сюжетный анализ текстов. Сказочные обско-угорские сюжеты были сопоставлены с эпическим сказанием о Гэсере [Francke, 1905] (ладахская версия) методом выравнивания последовательностей. Алгоритмы выравнивания последовательностей используются не только в генетике, но и при естественной обработке языка (natural language processing) [MacCartney et al., 2008]. Такой подход позволил выявить семантическую эквивалентность текстов на мансийском и тибетском языках, которая основывается на параллелизме мотивов повествований. Этот анализ является дополнительным подтверждением архаического характера эпических памятников тюрко-монгольских и центрально-азиатских традиций [Жирмунский, 1974], а также свидетельствует о древних контактах уральского и центрально-азиатского регионов.

Литература

Жирмунский, В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка // Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974.

Francke, A. H. A Lower Ladakhi Version of the Kesar Saga. – Calcutta, London: Baptist Mission Press, 1905. – 493 p.

Hennig, W. *Phylogenetic Systematic*. – Illinois: Board of Trustees of the University of Illinois Manufactured in the United States of America, 1979. – 263 p.

MacCartney, B., Galley, M., Manning, C. D. A phrase-based alignment model for natural language inference // EMNLP '08: Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – Stroudsburg: Association for Computational Linguistics, 2008. – pp. 802–811.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КЕТСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

В словарном составе любого языка встречаются заимствованные слова, пришедшие из других языков в результате языковых контактов. В кетском языке также фиксируются лексические заимствования, большая часть которых приходится на заимствования из русского языка. В основном они относятся к бытовой лексике, т.е. словам, обозначающим предметы, объекты или действия, так или иначе связанные с повседневным бытом и хозяйственной деятельностью.

Аналізу были подвергнуты более 50-ти кетских фольклорных текстов, включающих в себя мифы, легенды, сказки и бытовые рассказы. Все данные тексты были записаны в экспедициях в начале XXI века в местах, в основном, компактного проживания кетов (п. Келлог, Суломай, Мадуйка, Верхне-Имбатск и др.) от носителей языка старшего поколения, прекрасно владеющих кетским и русским языками. Кроме того, были использованы несколько архивных текстов Г. М. Корсакова и Е. А. Крейновича, записанных в конце 30-х годов и в 50-х годах XX века.

Проведенный анализ показал, что чаще всего были заимствованы из русского языка глаголы, имена существительные, гораздо реже наречия, местоимения, частицы, союзы, единичные случаи заимствования имен прилагательных и предлогов. Следует отметить, что в кетском языке заимствование происходит исключительно устным путем, что обуславливает, как правило, значительные изменения в их фонетическом и грамматическом облике. Например: *касний*, *кажны* ‘каждый’; *самл'а* ‘самый’; *сопсем*, *соксем* ‘совсем’; *ладовалис'* ‘радовались’; *л'оботник* ‘работник’ Заимствованные из русского языка имена существительные и глаголы подчиняются, как правило, законам именного и глагольного словоизменения кетского языка, например: *Бык-да батат* ‘Бычий лоб’ (название скалы на р. Подкаменная Тунгуска) – *да* – притяжательный аффикс; *ос'отр-аң* ‘осетры’ – *аң* – аффикс мн.ч.; *ботый-доң-дақ* ‘разбогатеем’.

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ СОЦИАТИВНОГО СУФФИКСА -ЛСА
В БАРГУЗИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА**

Исследование основано на данных баргузинского диалекта бурятского языка (монгольская семья), собранных методом элицитации и анкетирования носителей в ходе экспедиций в улус Барагхан Курумканского района республики Бурятия.

В [Санжеев, 1962: 238] утверждается, что значение изучаемого суффикса – “совместное действие”, или “совместный залог”, при этом отмечается, что -лса может употребляться и в значении “взаимного залога”. Суффикс -лса рассматривается также и в работе [Nedjalkov et al., 2007], посвящённой реципрокальным, социативным, комитативным и ассистивным конструкциям в бурятском и халха-монгольском языках. На материале баргузинского диалекта было выявлено только два продуктивных значения суффикса: реципрок и социатив. Под реципроком (1) мы понимаем одновременное взаимное действие двух (или более) участников, каждый (или большинство) из которых задействован в более чем одной семантической роли. Социатив – это круг значений совместного действия, которые добавляют в исходную структуру аргумент (2–3) либо выражают добавочное или сопровождающее действие (4) – *attendant action* в терминологии В. П. Недялкова, типологически редкое значение согласно [Nedjalkov, 2007: 280].

- (1) [Бадма Дарима-тай] таала-лс-аа.

Бадма Дарима-COM целовать-SOC-PRT1

‘Бадма с Даримой поцеловались’.

- (2) [Дугар Бадма-тай] энеэ-лсэ-нэ.

Дугар Бадма-COM смеяться-SOC-PRS

‘Дугар смеётся с Бадмой (поддерживая смех Бадмы)’.

- (3) Бадма шүлэг рассказ-тай унша-лс-аа.

Бадма стихотворение.ACC рассказ-COM читать-SOC-PRS

‘Дугар прочитал стихотворение с рассказом’.

- (4) *Дугар гэр-т-ээ ошо-жо бай-ха-д-аа,*
 Дугар дом-DAT-REFL ходить-CONV1 быть-POT-DAT-REFL
яблока аба-лс-аа.
 яблоко брать-SOC-PRT1
 ‘Дугар, идя домой, ещё и купил яблок’.

В докладе будет представлен анализ полисемии суффикса *-лс* через единый семантический инвариант. Реципрок и все разновидности бурятского социатива сводятся к множественным событиям, которые, к тому же, должны быть частью единой ситуации (по [Kratzer 2007]), чтобы объяснить ограничение на единство времени и места событий.

Литература

Санжеев, Г. Д. (ред.). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. – Изд-во Восточной лит-ры, 1962.

Kratzer, A. Situations in natural language semantics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2007.

Nedjalkov, V. P. Polysemy of reciprocal markers // TYPOLOGICAL STUDIES IN LANGUAGE. – 2007. – V. 71. – №1. – pp. 231–334.

Nedjalkov, V. P. et al. Reciprocal, sociative, comitative, and assistive constructions in Buryat and Khalkha-Mongol // TYPOLOGICAL STUDIES IN LANGUAGE. – 2007. – V. 71. – №1. – pp. 1281–1350.

Гусакова Виолетта Евгеньевна

Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск)

Буркова Светлана Игоревна

Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск),

Институт языкознания РАН (Москва)

ВЛИЯНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ НА СВОЙСТВА АНТОНИМОВ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Настоящее исследование посвящено специфике выражения антонимических отношений в русском жестовом языке (РЖЯ), как в одном из языков, существующих в визуальной модальности. На ранних этапах развития жестовой лингвистики большинство работ фокусировались на том, чтобы продемонстрировать сходство в своих фундаментальных чертах жестовых языков со звуковыми. Сейчас это сходство уже очевидно, и гораздо важнее выявлять различия между звуковыми и жестовыми языками для понимания того, какие свойства человеческого языка являются универсальными, а какие обусловлены модальностью, в которой существует язык. Материал РЖЯ показывает, что антонимические отношения являются одним из тех фрагментов языковой системы, в которой визуальная модальность играет важную роль. РЖЯ, как и другие жестовые языки, характеризуется высокой степенью иконичности и возможностью использования трехмерного пространства, и семантические противопоставления в рамках многих антонимических пар коррелируют в нем с формой противопоставленных жестов.

В своем исследовании мы опираемся на семантическую классификацию антонимов, представленную, например, в [Новиков, 1984; Murphy, 2003; Кронгауз, 2005], согласно которой антонимы можно разделить на три основных группы – контрарные, комплементарные и векторные. Наиболее ярко эффекты визуальной модальности проявляются в РЖЯ в векторных антонимах, выражающих противоположную направленность действий, свойств и признаков. В частности, в векторных антонимах РЖЯ направление движения в противопоставленных жестах, как правило, коррелирует с семантикой противоположности. Однако эффекты визуальной модальности прослеживаются и в других типах антонимов. И комплементарные, и контрарные антонимы наиболее часто формально противопоставлены по признаку «внутренний повтор и его отсутствие», при этом в комплементарных антонимах этот признак соответствует схеме комплементарной антонимии ‘X – не X’, а в контрарных

антонимах, соответствующих схеме ‘меньше X’ – ‘больше X’, он может коррелировать, например, с большей/меньшей степенью проявления какого-либо свойства.

Антонимия в РЖЯ характеризуется также и культурно обусловленным своеобразием. Так, в отличие от характерного для звуковых языков противопоставления ‘глухой – слышащий’, в РЖЯ (как и во многих других жестовых языках) жесту ГЛУХОЙ противопоставлен жест ГОВОРЯЩИЙ. Другими словами, основой для семантического противопоставления служит не столько наличие/отсутствие слуха, сколько предпочтительный способ общения (жестовая vs. устная речь). Кроме того, для данной контрастной антонимической пары существует средний член оппозиции со значением ‘слабослышащий’. Интересно, что для выражения данного значения имеются два жеста: первый больше соотносим с биолого-медицинским восприятием тугоухости как нарушения, а второй иконически отражает семантику «срединности», «половинчатости», принадлежности к двум мирам и культурам.

Литература

Кронгауз, М. А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

Новиков, Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // М. Р. Львов. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л. А. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – С. 5–30.

Murphy, M. L. Semantic Relations and the Lexicon: Antonymy, Synonymy and other Paradigms. – Cambridge University Press, 2003. – 304 p.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НГАНАСАНСКОМ ГЛАГОЛЕ

Сбор данных в поле и работа с корпусным материалом² позволяет иногда случайно найти в языке формы и употребления, которые из-за своей редкости ранее вовсе не были известны или оставались незамеченными. В докладе мы продемонстрируем несколько фактов нганасанского языка, которые стали известны лишь недавно и отсутствуют в существующих описаниях (см. прежде всего [Wagner-Nagy, 2019], где суммированы все известные данные).

1. Отглагольное имя со значением желание *-nakə*.

Суффикс *-nakə* давно известен как показатель целевой формы глагола (супина); он употребляется с генитивной серией показателей лица и числа, как это характерно для нефинитных форм:

(1) *Merig'ai[?] tūü-nakə-ni əm-lia-mənj bau[?]-ku-mi.*

быстро дойти-sup-1du этот-lim-prol перейти-imp-1du.s

‘Чтобы быстрее доехать, прямо тут перейдем [через реку]’
(ChND_061105_Nenets_nar 23).

Во время полевой работы в 2022 году этот же суффикс встретился с личными окончаниями номинативной серии и в функции субъекта, и стало ясно, что образуемые им формы представляют собой полноценное отглагольное имя. Потом аналогичные примеры удалось найти и в ранее записанных текстах (мы сохраняем здесь для единообразия глоссу SUP, хотя она, как выясняется, неточна):

(2) *ṭair-nakə-mə tai-tū / d'an ku.*

пить.чай-sup-1sg иметься-praes нет

‘Я хочу / не хочу пить чай’.

² Нганасанский корпус создается в рамках проекта INEL, который входит в исследовательскую Программу Академий, совместно финансируемую Федеральным правительством Германии и Федеральными землями, при участии Федерального министерства образования и научных исследований и Вольного и ганзейского города Гамбурга. Программа Академий координируется Союзом Академий наук Германии. При примерах из корпуса указывается условное обозначение текста и время начала фразы. Примеры без ссылки взяты из полевых материалов автора.

- (3) *Domta-naka-δu maagal'tagata tuu-ʔa tati ŋarka*
 бороться-sup-3sg совсем прийти-pf этот медведь
tandə ŋana'sana tujh^a-tua d'a.
 тот.gen человек.gen подходить-pt.praes к

‘Медведю очень захотелось напасть на этого приближающегося человека’ (MVL_080303_TwoDolganBrothers_flk 53).

2. В нганасанском, как в большинстве уральских языков, форма императива 2 л. ед. ч. субъектного спряжения совпадает с формой коннегатива. И в том, и в другом употреблении эта форма очень частотна. Как выяснилось, она же может употребляться в качестве повествовательной формы, примерно в значении перфекта:

- (4) *Maδ-u-nuʔ d'a hursə-ʔ.*
 чум-ер-gen.pl.1pl all вернуться-imp.2sg.s
 ‘Мы домой вернулись’ (MHCh_94_TaimyrPeople_nar 73).

- (5) *Tandə-tə d'a konj-ʔ tati T'ina bajkaʔa.*
 тот-gen.2sg all пойти-imp.2sg.s тот Чина старик
 ‘К нему поехал старик Чина’ (PSM_88_OldMan_nar 101).

Эту форму можно было бы отождествлять и с императивом, и с коннегативом, или рассматривать как омонимичную им третью форму, но подобное употребление императива известно в эвенкийском (см., например, [Клячко, 2020]), и это дает основание считать приведенные примеры и в нганасанском языке именно особым употреблением императива.

3. Лингвисты давно отмечали «звукосимволическое» отождествление передних гласных с маленькими объектами и задних гласных с большими; для некоторых языков это даже удавалось подтвердить статистически (см., например, [Winter, Perlman, 2021]). В нганасанском языке есть пары корней, которые различаются гласными (или, если угодно, корнями, которые могут менять свои гласные) так, что передние гласные передают небольшую степень признака, а задние – высокую его степень:

<i>səŋh^aatu-</i>	быть округлым, выдаваться вверх
<i>səŋhⁱatj-</i>	то же в небольшой степени
<i>ŋoh^aatu-</i>	быть широко открытым
<i>ŋahⁱatj-</i>	быть приоткрытым

Такие примеры, особенно второй, интересны еще тем, что демонстрируют не просто варьирование передних и задних гласных в корне с соответствующим

изменением сингармонизма суффиксов, но отражают соотношение древних передних и старых задних гласных.

Литература

Клячко, Е. Л. Нестандартное употребление императивных форм в эвенкийском языке // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Глафиры Макарьевны Василевич (24–25 сентября 2020 г., Якутск). – С. 66–68.

Wagner-Nagy, B. A grammar of Nganasan. Leiden / Boston: Brill, 2019.

Winter Bodo, Perlman Marcus. Size sound symbolism in the English lexicon // Glossa: a journal of general linguistics 6(1): 79. – pp. 1–13.

Давидюк Татьяна Игоревна

Институт языкознания РАН (Москва),

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва)

СВОЙСТВА СУБЪЕКТА ПРИЧАСТИЙ НА *-(e)t* В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

Доклад посвящён свойствам субъекта клауз с причастием на *-(e)t* в татышлинском говоре удмуртского языка. Данные собраны в ходе лингвистической экспедиции в Татышлинский район Республики Башкортостан в 2022–2023 гг. Падежное маркирование субъекта клауз с причастием на *-(e)t* в удмуртском языке достаточно подробно обсуждается в работе [Georgieva, 2016], где отмечается, что субъект причастных клауз может быть маркирован генитивом, а может выступать в немаркированной форме. В цитируемой работе такие удмуртские немаркированные субъекты анализируются как инкорпорированные именные основы, так как они не могут присоединять маркеры числа и посессивности, иметь модификаторы и быть оторванными от причастия. В татышлинском удмуртском субъекты причастий на *-(e)t* также могут иметь как генитивную, так и немаркированную форму. Однако их анализ как инкорпорированных именных основ для татышлинского удмуртского выглядит крайне проблематичным. Во-первых, немаркированные субъекты в исследуемом говоре способны модифицироваться прилагательными и указательными местоимениями (1). Во-вторых, именная морфология возможна в обстоятельственных и относительных клаузах с причастием на *-(e)t*. Что касается конструкций с сентенциальными актантами, то в них морфосинтаксические свойства субъекта причастной клаузы зависят от синтаксической позиции сентенциального актанта. Для сентенциального актанта, занимающего позицию прямого дополнения, невозможна именная морфология (2), и, кроме того, он обладает слабой отделимостью от причастия (3); для сентенциального актанта в позиции косвенного дополнения таких ограничений практически не наблюдается (4)–(5).

В докладе мы подробно представим морфосинтаксические свойства субъектных именных групп в причастных клаузах на *-(e)t*, занимающих различные синтаксические позиции, и представим их возможные теоретические обоснования.

Примеры

- (1) *ruslan adž'-i-z gord / ta karandaš*
 Русланвидеть-PST-3SG красный этот карандаш
ús'-em-ez.
 падать-PTCP.PST-ACC
 'Руслан видел, как красный / этот карандаш упал'.
- (2) **vas'a tod-e pûni-jos út-em-ez /*
 Вася знать-PRS.3SG собака-PL лаять-PTCP.PST-ACC
út-em-zes.
 лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3PL
 Ожид. знач.: 'Вася знает, что собаки лают'.
- (3) **mon tod-is'ko-∅ pûnă ättä út-em-ez.*
 я знать-PRS-1SG собакачасто лаять-PTCP.PST-ACC
 Ожид. знач.: 'Я знаю, что собака часто лает'.
- (4) *ol'a âšane koč'âš-jos út-em-lâ.*
 Оля верит кот-PL лаять-PTCP.PST-DAT
 'Оля верит, что кошки лают'.
- (5) *ruslan kâška-∅ pûnă ättä kurtč'-em-les'.*
 Русланбояться-PRS.3SG собакачасто кусать-PTCP.PST-GEN2
 'Руслан боится того, что собака часто кусается'.

Литература

Georgieva, E. The case-marking of subjects in Udmurt, Komi-Zyryan, and Meadow Mari non-finite clauses // Nyelvtudományi Közlemények. – 2016. – №112. – С. 77–107.

Данилова Надежда Ивановна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН (Якутск)

Дьячковский Федор Николаевич

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН (Якутск)

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНОДЧЕСКИХ ПОСТРОЕК В ЯКУТСКОМ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ ³

Изучение тюрко-монгольских языковых связей в алтаистике традиционно занимает значительное место и ознаменовано существенными результатами. Исследователи единодушны в том, что данные связи имели место на протяжении значительного исторического времени и обусловлены главным образом одинаковым характером образа жизни, а именно, занятием кочевым и оседлым скотоводством.

В якутоведении этот вопрос получил изучение также в аспекте сопоставления явлений в фонетике, грамматике, лексике как в ранних классических исследованиях [Бетлингк, 1990; Radloff, 1908], так и современных [Антонов, 1971; Иванов, 2001; Попов, 2003; Слепцов, 2007; Убрятова, 2011; Широбокова, 2001]. Вместе с тем, к настоящему времени многие тематические группы лексики якутского языка не получили сравнительного изучения с использованием современных методов компаративистики. Цель исследования заключается в сравнительном анализе подгруппы «Постройки для содержания домашнего скота», входящих в тематическую группу лексики «Домашние животные».

Исследование основано на результатах научных исследований по проблеме якутско-монгольских языковых связей и реконструкции общетюркской лексики.

В результате анализа якутских слов, сопоставляемых с монгольскими, обнаружено четыре единицы *титиик*, *дал*, *хаһаа*, *күрүө*. Слово *хотон* 'специальное зимнее помещение для скота, хлев, коровник' имеет тюркские и монгольские параллели. Хотя оно зафиксировано в древнетюркском словаре, считается заимствованием из монгольских языков. Однако слово более древнего происхождения, семантика которого менялась по мере развития монголо-тюркского языкового

³ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ согласно проекту № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

взаимодействия и изменений условий жизни народов-носителей этих языков. Явные, установленные монгольские параллели имеет якутская основа *дал* в значении ‘загон для скота’. Тюркологи интерпретируют его как ранний монголизм, оно имеет и тунгусо-маньчжурские параллели. К числу основ, имеющих монгольские параллели, относится также якутское слово *хаһаа*, которое в современном языке имеет значения ‘конюшня, стойло для лошадей и жеребят’. Слово *күрүө* происходит от общеалтайской основы **kuri* со значениями ‘плетень, забор, ограждение, здание’. Из тюркских и монгольских параллелей с якутским *күрүө* ‘загон для временного содержания скота, лошадей’ по значению ближе всех монгольская **kʰrijen*.

К тюркской глагольной основе *tüt-* ‘дымиться, испускать дым’ восходит современное якутское слово *титиик* ‘летний хлев для скота’. Развитие значения ‘летний хлев для скота’ < ‘место для дымокура, место, где устраивают дымокур’ вполне допустимо, поскольку около летнего якутского помещения для доения скота устраивался дымокур.

Важным элементом внутренним зимнего хлева *хотон* относится устройство для подачи сена, которое в якутском языке обозначается синонимами *долборук/күкүр*. Оба они имеют монгольские параллели: *долборук//тавиур* ‘подставка’, старо-письм.-монг. *талбигуур* ‘подставка’, *күкүр// хөхүүр, /хүхүүр/хөкүр/күкүр/*, но с семантическим сдвигом в значении основы в якутском языке.

Как можно видеть из приведенного материала, якутская лексика достаточно хорошо сохранила монгольские параллели. Анализ показал, что материал словарей и исследований по данной тематике дает интересные перспективы в исследованиях по монгольской этимологии и исторической лексикологии.

Список литературы

Антонов, Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. – 172 с.

Бетлингк, О. Н. О языке якутов / Пер. с нем. В.И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1990. – 644 с.

Иванов, С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.

Попов, Г. В. Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск, 2003.

Слепцов, П. А. Саха тылын историята. Дьокуускай: Саха госуниверситетын издательствота, 2007. – 290 с.

Убрятова, Е. И. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. – 282 с.

Широбокова, Н. Н. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001. – 151 с.

Radloff, W. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. SPb., 1908. – 86 S.

**ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ ПЕРВОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ СИБИРИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА ЗА 1725 г.**

Первым исследователем Сибири и родоначальником всех отраслей сибиреведения стал доктор медицины из Данцига, ученый-энциклопедист Даниэль Готтлиб Мессершмидт (1685–1735). По заданию Петра I в 1719 г. он начал изучение малоизвестной в то время огромной части России. В одиночку за семь лет самоотверженной полевой работы ему удалось собрать обширный материал по различным областям научного знания – медицине, зоологии, ботанике, географии, минералогии, археологии, по этнографии и языкам народов Сибири [Новлянская, 1970; Соколов, Парнес, 1993; Тункина, Савинов, 2017; Первый исследователь..., 2019; К 300-летию..., 2021; Бондарь, Смирнов, 2021 и др.].

Одним из научных направлений, которому Мессершмидт уделял особое внимание во время своего длительного путешествия, была орнитология. Его рукописный труд «Ornitologicon Sibiricum» является первым научным описанием 265 видов птиц Сибири [Первый исследователь..., 2019:152–153 и др.]. Ценный материал по орнитологии содержится и в дневниковых путевых записях Мессершмидта (5 томов на немецком языке с включениями на латинском и других языках, изданы в Германии в 1962-1977 гг.). Большая часть дневника уже переведена на русский язык отечественными учеными и опубликована. Данное сообщение основано на материале фрагмента дневника Мессершмидта, содержащего описание его путешествия с 24 сент. 1725 г. по 21 марта 1726 г. по Оби от Нарыма до Самарова яма (ныне Ханты-Мансийск) и далее до Тобольска [Messerschmidt, 1968: 241–285; 1977: 13–85]; перевод этого фрагмента (135 страниц немецкого издания) был осуществлен в 2022 году коллективом историков и филологов в составе Ю. И. Кизнер, С. О. Горяева, Т. Н. Дмитриевой, Я. А. Яковлева⁴ и еще не издан.

В сообщении рассматриваются приведенные в дневнике за 24 октября 1725 г. описания четырех видов гусей, чучела которых были получены Мессершмидтом от

⁴ Работа выполнена с использованием гранта губернатора Ханты-Мансийского автономного округа–Югры на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом «Центр гражданских и социальных инициатив Югры» – оператором грантов губернатора.

крестьянина деревни Зенковой. Ученый определяет их в латинской орнитологической номенклатуре того времени, приводит их хантыйские и русские названия. Все эти сведения позволяют идентифицировать птиц, описанных Мессершмидтом (гуменник, белолобый гусь, пiskuлька, краснозобая казарка) и проследить дальнейшее функционирование их латинских, хантыйских и русских наименований.

Литература

Бондарь, Л. Д., Смирнов, А. В. Словарный материал в научном наследии Д. Г. Мессершмидта и особенности интерпретации зоологической лексики // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV (2) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2021 г. / гл. редактор Н. Н. Казанский. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. – С. 1311–1339.

К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / [сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина]; отв. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина; СПбФ АРАН. – СПб.: «Реноме». – 2021. – 352 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 19).

Новлянская, М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1970. – 184 с.

Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост.: Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев; под общей ред. Е. Ю. Басаргиной. – СПб.: Нестор-История. – 2019. – 312 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 7).

Соколов, В. Е., Парнес, Я. А. У истоков отечественной териологии. – М.: Наука. – 1993. – С. 54–69.

Тункина, И. В., Савинов, Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. – СПб: ООО «ЭлекСис». – 2017. – 168 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Supplementum 6).

Messerschmidt, D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. In Verbindung mit zahlreichen Fachgelehrten herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 – November 1725. – Berlin: Akademie-Verlag. – 1968. – S. 241–285. Teil 5: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister. – Berlin: Akademie-Verlag. – 1977. – S. 13–85.

СЕЛЬКУПСКИЕ ШАМАНСКИЕ МЕЛОДИИ: ОБЗОР МУЗЫКОВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Шаманская музыка селькупов является культурным раритетом, как и традиционная культура этого народа. Шаманские напевы *сюмптя* сохранялись до недавнего времени у северных (тазовских) селькупов, у южных (нарымских) селькупов шаманская традиция в настоящее время практически утеряна. Главным источником сведений по шаманской музыке селькупов служат фонограммы и тексты из коллекции финского исследователя Кая Доннера, записанные в 1911-1914-х гг. (Kai Donnerin fonogrammikokoelman 1.-30, Suomen Kielen Nauhoitearkisto). В 1965 году транскрипции этих мелодий были опубликованы музыковедом А. О. Вайсяненем [Väisänen, 1965]. Критический анализ материалов А. О. Вайсянена произвел Я. Ниemi, предложивший собственные варианты нотаций селькупских мелодий из коллекции Доннера [Niemi, 1994]. В 1980-е века сбор фольклора северных селькупов осуществлял В. В. Рудольф. Большой вклад в изучение шаманских текстов внесли лингвисты, в конце 1990-х гг. О. А. Казакевич зафиксировала 2 шаманские песни, впоследствии опубликованные в специальной статье [Niemi, 2001]. Среди отечественных исследователей, первые музыковедческие наблюдения над музыкой селькупов сделал А. М. Айзенштадт, сравнив песенные стили енисейских селькупов и кетов из поселков Фарково и Верещагино [Айзенштадт, 1982]. Полевые записи музыкального фольклора селькупов и кетов сделаны в 1987 году в Туруханске музыкально-этнографической экспедицией Ю. И. Шейкина, А. М. Айзенштадта, И. А. Богданова, а также музыковедом И. А. Богдановым в Туруханске в 1988 г., затем эти записи стали темой для музыковедческого исследования [Дорожкова, 1997]. В контексте шаманской музыки самодийских народов, шаманские мелодии селькупов анализируются в исследовании О. Э. Добжанской [Добжанская, 2008: 71–81].

Литература

Айзенштадт, А. М. У кетов и селькупов // Музыка Сибири и Дальнего Востока. – М.: Сов. композитор, 1982. – С. 175–204.

Добжанская, О. Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края: монография. – Норильск: АПЕКС, 2008. – 272 с.

Дорожкова, Т. Ю. Кеты и селькупы // Музыкальная культура Сибири. Т.1. Кн. 1. Традиционная культура коренных народов Сибири / гл. ред. Шиндин Б.А. – Новосибирск: Новосибирск. гос. консерватория, 1997. – С. 103–129.

Niemi, J. A Musical Analysis of Selkup Shamanic Songs. In: Shaman Vol.9 No.2, Autumn 2001. – pp. 153–167.

Niemi, J. Kai Donnerin tallentamat Selkuppi-ja Kamassisamojedilaulut A.O.Väisänen “Samojedische Melodien” – nuottinnosjulkaisussa. In: Ethnomusicologian vuosikirja 1994. – Helsinki: Suomen Ethnomusicologinen seura. – pp. 103–134.

Väisänen, A. O. Samojedische Melodien. In: Memories de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 136. – Helsinki, 1965. – 80 p.

Многим языкам свойственен феномен подъема отрицания – явления, при котором отрицание в главной клаузе семантически соотносится с зависимой клаузой. Подъем отрицания привлек внимание многих исследователей и вызвал массу дискуссий по поводу его теоретического анализа. Некоторые лингвисты [Klima, 1964; Lakoff, 1969; Ross, 1973; Colins, Postal, 2014] считают подъем отрицания сугубо синтаксическим явлением, т.е. происходит непосредственное перемещение отрицательного компонента из нижней клаузы в верхнюю. Другие же [Кобозева, 1976; Gajewski, 2007; Zeijlstra, 2017] отстаивают точку зрения, что подъем отрицания связан с глубинной семантической интерпретацией.

Жестовые языки при этом никогда не были включены в данную дискуссию, несмотря на то, что в последнее время появляется все больше исследований, посвященных подъему отрицания в различных жестовых языках [Göksel, Keleşir, 2016; Johnston, 2018; Oomen, 2021]. Мы ставили своей задачей сделать вклад в типологический портрет подъема отрицания при помощи корпусного исследования русского жестового языка (РЖЯ) и данных, полученных в результате эксперимента.

В Онлайн-корпусе РЖЯ [Буркова, 2015] были найдены глаголы ХОТЕТЬ (1), ЛЮБИТЬ (2) и НУЖНО (3), СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КОТОРЫМИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАПОМИНАЮТ ПОДЪЕМ ОТРИЦАНИЯ.

(1) RSLN-b10-s4-h-sstd, 00:34-00:38

eb

cd

СЫН Н-Е ВЕРИТЬ В СЕБЯ НИ.ТУДА.НИ.СЮДА ХОТЕТЬ:НЕ [УЧИТЬСЯ]

‘А сын не уверен в себе, мнется, не хочет учиться’.

(2) RSLN-b16-s30-h-sstd, 00:17-00:21

cd

МУЖЧИНА ДРУГ СМОТРЕТЬ НЕТ ДОСТАТОЧНО РУГАТЬСЯ [НУЖНО:НЕ]

‘Друг мужа смотрит: «Нет, хватит, не надо ругаться»’.

⁵ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № № 22-18-00120.

(3) RSLN-n1-s21-d-std, 01:37-01:41

_____hs

я шить [ЛЮБИТЬ:НЕ] я любить [ОБЩАТЬСЯ / ВК] закончить

‘Я шить не любила, я любила общаться, Вконтакте сидеть’.

Поскольку корпус состоит всего из 189 записей, полученные результаты необходимо было подтвердить экспериментально. Мы использовали метод тестирования для подтверждения результатов корпусного исследования и метод обратного воспроизведения [Davidson, 2020] для выявления свойств подъема отрицания.

В итоге мы смогли выявить, что помимо уже известных нам глаголов ХОТЕТЬ, ЛЮБИТЬ и НУЖНО, принимать на себя отрицание из зависимой клаузы может также глагол ДУМАТЬ, который типологически является самым распространенным глаголом с подъемом отрицания в звучащих языках. Также было выяснено, что если матричный глагол в предложении с отрицательным квантификатором в качестве подлежащего допускает подъем отрицания, то интерпретация данных конструкций под отрицанием будет соответствовать предложениям с отрицанием во вложенной клаузе и с универсальным квантификатором (4).

(4) _____hs

а. НИКТО НУЖНО:НЕ ЧТО МАЛЬЧИК IX₃ ПРИХОДИТЬ

‘Никому не нужно, чтобы мальчик приходил’.

≈ ‘Всем нужно, чтобы мальчик не приходил’.

Мы надеемся, что данная работа найдет свое развитие не только в продолжении изучения подъема отрицания в жестовых языках и в РЖЯ в частности, но и в более широких исследованиях, касаемых полипредикативных конструкций и отрицания в РЖЯ.

Литература

Буркова, С. И. Корпус русского жестового языка. Новосибирск. – 2012–2015.

Кобозева, И. М. Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке): дис. к. филол. н. – Москва, 1976.

Colins, C., Postal, M. Classical NEG raising: An essay on the syntax of negation // MIT press. – 2014.

Davidson, K. Is “experimental” a gradable predicate // NELS 50: Proceedings of the Fiftieth Annual Meeting of the North East Linguistic Society. – 2020.

Gajewski, J. R. Neg-Raising and Polarity // *Linguist and Philosophy*. – 2007. №30. – pp. 289–328.

Johnston, T. A corpus-based study of the role of headshaking in negation in Auslan (Australian Sign Language): Implications for signed language typology // *Linguistic Typology*. – 2018. №22 (2). – pp. 185–231.

Klima, E. S. Relatedness between grammatical systems // *Language*. – 1964. № 40(1). – pp. 1–20.

Lakoff, R. A syntactic argument for negative transportation // *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. – 1969. №5(1) – pp. 140–147.

Oomen, M. Neg-raising in two sign languages // *Invited talk, Göttingen Linguistics Colloquium*. – Georg-August-Universität. – 2021.

Ross, J. R. Slifting // M. Halle & M.-P. Schützenberger (eds.). *The formal analysis of natural languages*. – The Hague. – 1973. – pp. 133–179.

Zeijlstra, H. Does Neg-Raising involve Neg-Raising? // *Topoi*. – 2017. №73(3). – pp. 417–433.

**ШОРСКИЙ ПАРСЕР: НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НА -ЧАР (НА МАТЕРИАЛЕ
ПЕРВЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ КНИГ, ИЗДАННЫХ МИССИОНЕРАМИ
АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В 1883–1884 гг.)**

Шорская форма на *чар* произошла от аналитической конструкции *-(ы)n чат-* и является одной из трех форм настоящего времени в шорском наречии *-чадыр(ы)*, *-чад(ы)* и *-чар(ы)*: шор. *алып-жадыр*, *алып-жат*, *алып-жар* ‘он берет’. Она образована путем опущения слога *ды* и беглого *ы* в форме *жадыры*: *жадыры* → *жары* → *жар* (по шорскому произношению начального *j* – *чадыры*, *чары*, *чар*). [Грамматика, 1869: 239, 58].

В первых печатных книгах на шорском наречии (по терминологии алтайских миссионеров) [История, 1883; Указание, 1884] употребляется одна форма настоящего времени – на *-чар*, отсутствующая в современном нормативном шорском языке. Показатель *чар* пишется раздельно (нередко), через дефис (изредка) или слитно (часто) с основой глагола: шор. *рап чары* ‘удаляется’, *білдір-чары* ‘означает’, *айтчары* ‘говорит’; *пілбен чар* ‘не знает’. Нам не встретились примеры глаголов второго лица единственного числа настоящего времени на *чар* и полная парадигма какого-либо одного глагола. Ее можно составить из разных глаголов: шор. *санап чарым* ‘я думаю’, *јүргет чары* ‘он учит’, *деп чарбыс* ‘мы говорим’, *калып чарзар* ‘вы остаетесь’, *шыныктап чарлар* ‘они действительно появляются’ и: *перчарым* ‘я даю’, *өлчары* ‘он умирает’, *четірчарбыс* ‘мы доставляем’, *көрчарзар* ‘вы смотрите’, *чискінчарлар* ‘они гнушаются’. Следовательно, в шорском наречии имеется только одна форма настоящего времени (*-чар* / *-чар*), которая еще окончательно не сформировалась: имеет три варианта написания и две парадигмы спряжения – с раздельным и слитным показателем *чар*. Она находится в стадии перехода из аналитической в синтетическую, через промежуточную стадию, когда вспомогательный глагол *чат-* в форме *-чар* произносится почти слитно с основой глагола, но все-таки не составляет с ней единое целое, что отражается в орфографии посредством дефиса.

Литература

Грамматика алтайского языка / Составлена членами Алтайской миссии. – Казань: Унив. тип., 1869. – 299 с.

Священная исторія на шорскомъ нарѣчїи для инородцевъ восточной половины кузнецкаго округа. Изданіе Православнаго Общества. – Казань: Типография В. М. Ключникова, 1883. – 207 с.

Указание пути в Царствие Небесное на шорском наречии. Тегрідін чарыгынга кірчен чолды кӧдӱсче. Издание Православного Миссионерского Общества. – Казань: Типография В. М. Ключникова, 1884. – 26 с.

**НЕМАНУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ «ВЫПЯЧИВАНИЕ ЯЗЫКА» ВО
ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЕ ЖЕСТА В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ**

В жестовых языках важную роль в передаче информации помимо движений рук играют и немануальные средства (немануальные маркеры): движения головы корпуса и мышц лица. Немануальный маркер (далее – НММ) «выпячивание языка» относится к так называемым жестам рта. Функции данного НММ рассматривались, по нашим данным, только на материале рассказов, записанных от носителей британского жестового языка (BSL) [Lewin, Schembri, 2011]. Исследователи опирались на классификацию функций жестов рта в BSL, предложенную в работе [Woll, 2001]: 1) немануальные наречия, которые сочетаются с мануальными жестами и несут дополнительное значение, отсутствующее в мануальных жестах (например, в BSL имеется жест рта «мм» (губы поджаты), означающий «расслабленно», «без усилий»); 2) жесты рта, отражающие действия (например, жест рта со значением ‘надувать шарик’; 3) эхо-фонология – жесты рта, «эхом» повторяющие движения рук.

Нами был проведен анализ мануальных жестов в русском жестовом языке (РЖЯ), включающих в свой состав НММ «выпячивание языка». Эти жесты можно разделить на несколько семантических групп: 1) жесты, которые по своим функциям имеют сходство с наречиями в русском языке, например, ЛЕГКО, ПУСТО и др. К этой категории можно также добавить жесты, обозначающие состояние природы и человека: ТЕПЛО, ПРОТИВНО и др.; 2) жесты, описывающие внешность человека, как правило, с негативными коннотациями, например: ХУДОЙ, ЛЫСЫЙ, СКЕЛЕТ (в значении ‘очень худой, костлявый’) и др.; 3) жесты-показатели отрицания, например НИКАК, НЕ.ЗНАТЬ и др.; 4) жесты, обозначающие процесс говорения, например, БОЛТАТЬ, ОБСУЖДАТЬ и др.; 5) разнородные по своей семантике мануальные жесты, в которых НММ «выпячивание языка» повторяет движение руки.

Функции НММ «выпячивание языка» в названных типах жестов различны. В первых трех группах присутствие данного НММ во внутренней структуре жеста в подавляющем большинстве случаев не является обязательным. Анализ контекстов употребления данных жестов показывает, что НММ «выпячивание языка» в них семантически нагружен, как правило, он выполняет функцию интенсификатора или оценочно-экспрессивную функцию. По сути, это функции «немануальных наречий».

Например, жест ЛЕГКО в сочетании с исследуемым НММ означает ‘совсем легко’. В четвертой группе жестов присутствие НММ «выпячивание языка» обязательно, в них этот НММ тоже семантически нагружен, но выполняет иконическую функцию, отображая процесс говорения. Во внутренней структуре жестов последней группы НММ «выпячивание языка» обязателен, но в них он не несет семантической нагрузки, а связан с малоизученным пока явлением эхо-фонологии.

Литература

Lewin, D., Schembri, A. Mouth gestures in British Sign Language: A case study of tongue protrusion in BSL narratives // *Sign Language & Linguistics*. – 2011. – Vol. 14(1). – pp. 94–114.

Woll, B. The sign that dares to speak its name: Echo phonology in British Sign Language (BSL) // P. Boyes Braem, R. Sutton-Spence (eds.), *The Hands Are the Head of the Mouth: The Mouth as Articulator in Sign Languages*. – Hamburg: Signum, 2001. – pp. 87–98.

Институт языкознания РАН (Москва),

Томский государственный педагогический университет (Томск)

**ДОКУМЕНТАЦИЯ ЛЕКСИКИ ЭВОНСКИХ ИДИОМОВ:
ПРОБЛЕМЫ С СУЩЕСТВУЮЩИМИ ИСТОЧНИКАМИ**

Эвонская клада, включающая в себя эвенкийский, негидальский, солонский, эвенский языки, является крупнейшей и наиболее детально описанной частью тунгусо-маньчжурской семьи. Эвонские данные традиционно являются опорными для работы этимолога – настолько велик массив собранного материала.

Значительная часть данных по говорам эвонских языков собрана в словарях [Василевич, 1958; Романова, Мыреева, 1968; ССТМЯ, 1971–1975; Мыреева и др., 2004], все эти публикации последовательно цитируют друг друга, и по существу [Мыреева и др., 2004] представляет собой материал [ССТМЯ, 1971–1975], дополненный данным по тимптонскому, ороchonскому и манегирскому эвенкийскому. В свою очередь, ССТМЯ представляет сочетание материала [Василевич, 1958; Романова, Мыреева, 1968] и обширных картотек, собранных редакторами Словаря в собственных экспедициях, иные неопубликованные источники практически не употребляются. Как бы там ни было, во всех этих публикациях обнаруживаются регулярные ошибки. И если изъяны конкретно ССТМЯ довольно хорошо известны среди специалистов (регулярная контаминация между собой полей «орокский» и «орочский», воспроизведение некорректных лемм маньчжурской словарной традиции, где омонимы считают значениями одной лексемы, или они ошибочно считаются дериватами одного этимона), то более широкая перспектива доселе не отмечалась никогда.

В доклада будут показаны примеры ошибок в фонетической оболочке лексем, которые присущи всей эвонской лексикографической традиции, для некоторых случаев будут предложены корректировки на основании таких альтернативных источников как [Василевич, 1934; Пукшанская, 1956]. К сожалению, корректировка возможна лишь в единичных случаях, а остальные фонетические ошибки могут быть исправлены только при привлечении всего корпуса новейших полевых данных. Таким образом, перед эвонской лексикологией встаёт новая и актуальная задача.

Источники

Василевич, Г. М. Диалектологический словарь эвенкийского языка. – Л., 1934.

Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь. – М., 1958.

Мыреева А. Н. Эвэдь-лӯчадь тӯрэрӯк / А. Н. Мыреева, Т. Е. Андреева, П. П. Багаева, Г. И. Варламова, Н. Е. Кудрина. – Новосибирск, 2004.

Пукшанская, Т. З. Говор эвенков тугуро-чумиканского района. В II-ух т. – Л., 1956.

Романова, А. В, Мыреева, А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии. – Л., 1968.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ССТМЯ). В II-ух т. / В. И. Цинциус (гл. ред.), – Л., 1971–1975.

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЯСЛИЦ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ ИЗ СОБРАНИЙ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В археологической литературе существует несколько вариантов функционального использования пряслиц [Сериков, 2005]. В настоящей работе данные изделия интерпретированы как составная часть веретена, которая служит для поддержания инерции вращения.

Морфология, декор и сакральные свойства пряслиц из комплексов шеломокской и кулайской культур Томского Приобья ранее был произведен Л. М. Плетневой [Плетнева, 2016]. На основании данного исследования был осуществлен функциональный анализ пряслиц, обнаруженных на поселениях Кижирова (городище Кижирова), Шеломок I (городище Шеломок), Шеломок II. Для определения функциональных характеристик использовалась методика, разработанная Т. Е. Ибарра и соавторами, где в качестве основных параметров используются момент инерции и масса [Ibarra, Lopez, Santacruz, 2018]. Недостатком данной методики, применительно к исследуемым материалам, является то, что она предназначена для анализа симметричных изделий, но пряслица раннего железного века рассматриваемого региона часто имеют ассиметричную форму.

В результате были выделены условные функциональные группы пряслиц, которые, предположительно, соотносятся с использованием различного сырья растительного (конопля, крапива и др.) и животного происхождения (шерсть) для изготовления нитей. Употребление в текстильном производстве сырья растительного и животного происхождения населением эпохи раннего железа в Томско-Нарымском Приобье подтверждает интерпретацию выделенных функциональных групп [Глушкова, 2002: 12–13, 72–74]. Граница между группами достаточно плавная, присутствуют промежуточные варианты. Это может быть связано с изготовлением нитей разного качества из одного сырья, а также предпочтениями и навыками прядильщиков [Chmielewski, Gardynski, 2010: 876–877].

Литература

Глушкова, Т. Н. Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут: РИО СурГПИ, 2002. – 206 с.

Плетнева, Л. М. Пряслица эпохи раннего железа из Томского Приобья // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Вып. 4 (88). – С. 146–155.

Серигов, Ю. Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга). – Екатеринбург, 2005. – С. 93–101.

Chmielewski T., Gardyński L. New frames of archaeometrical description of spindle whorls: a case study of the Late Eneolithic spindle whorls from the 1C site in Gródek, district of Hrubieszów, Poland // Archaeometry. – 2010. – Vol. 52, №. 5. – pp. 869–881.

Ibarra T. E., Lopez C. A., Santacruz C. R. The artisan and the tool: a technological – functional analysis of Tlaxcallan spindle whorls // Archaeometry. – 2018. – Vol. 90, № 6. – pp. 1221–1236.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КАРКАС РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»
О СУДЬБЕ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ**

В романе Г. Яхиной «Дети мои» практически все персонажи и сюжетные линии – вымысел. Но некоторые воссозданные художественные детали судьбы главного героя, учителя немецкой словесности Якоба Ивановича Баха, причудливо рифмуются с фактами биографии А. П. Дульзона: его происхождением (из семьи поволжских немцев); его профессиональными занятиями в разные годы (изучение диалектов поволжских немцев; заведование детским домом, работа на шахте); обвинением в контрреволюционной деятельности, арестом (в 1934 г.) и депортацией как этнического немца (в 1941 г.); темами публикаций («Кетские сказки», «Сказки народов сибирского Севера», «К вопросу о создании букваря для немецких школ»).

«Каркас» сложной литературной истории образуют концепты ДЕТИ, ВОДА, ЯЗЫК, «прорастающие» в художественной ткани сюжетами, мотивами, характерами и образно-выразительными средствами. Логике раскрытия этих концептов подчинено романное действие, полярным «топосом» которого являются два берега Волги (на левом – немецкая колония *Гнаденталь*, на правом – хутор Баха), а «хроносом» – двадцатилетний период (1918–1938 гг.).

Базовые концепты раскрываются литературными и лингвистическими средствами. Так, концепт ДЕТИ реализуется в событиях и фиксируется в названиях романа и его глав («Дочь», «Ученик», «Сын», «Дети»).

Концепт ЯЗЫК / СЛОВО определяет конфигурацию «семейного треугольника» персонажей, имеющих разный коммуникативный опыт: велеречивый Якоб, добровольно принявший обет молчания и утративший способность говорить, но сохранивший умение «жечь глаголом», преобразовать созидательную энергию в текст; Анче, обреченная на немоту и владеющая особым языком «*из взглядов, касаний, ...игры мускулов на лице, из частоты дыхания и движений тел...*», умеющая воспроизводить любые звуки, но долгое время не слышавшая человеческого голоса; «приблудыш» Васька, владеющий разными диалектами и языками, имеющий прекрасную память и лингвистическое чутье, способный языку обучить. «Коммуникативными» антиподами Баху в романе выступают Васька и Гофман (красноречивый оратор, не владеющий пером).

Концепт ВОДА, обусловленный топосом романа, воплощается в обширной системе метафор, которые выражают абстрактные понятия (история, жизнь, судьба, эмоции, природа, творчество, созидание и разрушение и др.) через чувственно-наглядные образы воды: *незыблемые* устои, *текущие* и *плывущие* звуки, запахи, *струящийся* свет, *нахлынувшие* чувства, *пролитые* кровь и слезы, *уходящие* жизненные соки, трагедии и горе, *иссушающие* человека и т. п.

В ряде контекстов представлена концептуальная триада, концентрированно воплощающая идею жизни как водной стихии, смысл которой – дети, воспитанные делом и словом: *[Бах] торопливо стремил урок к поэтической части: Новалис, Шиллер, Гейне – стихи лились на юные лохматые головы щедро, как вода в банный день.*

**ТЕКСТЫ СЕВЕРНОСЕЛЬКУПСКИХ ШАМАНСКИХ ПЕСНОПЕНИЙ: ОТ
ПАНА АНДРЕЕВА ДО ГЕОРГИЯ ЧЕКУРМИНА**

В докладе предполагается дать обзор записанных и расшифрованных к настоящему времени текстов шаманских песнопений на северных селькупских говорах. Сразу стоит отметить, что селькупских шаманских текстов зафиксировано относительно немного. Часть текстов изначально была представлена только аудиозаписью (аудиоархив К. Доннера, аудиоархив В. Рудольфа), часть только графической записью (архив Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых [Казакевич 2010], архив Л. А. Варковицкой [Мифология 2004]). Многие тексты, представленные аудиозаписью, были впоследствии расшифрованы автором.

Все зафиксированные северноселькупские шаманские песнопения можно разделить на две группы: 1) личные песни шаманов и 2) фрагменты шаманских камланий.

Большую часть личных песен шаманов мы находим в аудиоархиве В. В. Рудольфа (1982), хотя записывались они и до, и после этого времени. Личные песни могут быть связаны с процессом становления шамана (см., например, песни начинающих шаманов: записанную в 1996 [Казакевич 2001] или в 2013 (ПМ 2013)). Это могут быть описания мистического опыта – видений шамана (напр. запись из архива В. В. Рудольфа 1982 [Казакевич 2018]). Наконец, это могут быть переживания, не отличающиеся от переживаний простых людей, связанные, как правило, с утратой близкого человека и одиночеством (напр. песня шамана Баякина о смерти сына из архива В. В. Рудольфа 1982).

Фрагменты камланий – это рассказы присутствующим на камлании о том, что шаман видел, путешествуя в нижний или верхний мир, описания странных земель, странных существ, их действий. Прежде всего, мы находим их в записях Г. Н. Прокофьева (один из текстов опубликован в [Казакевич 2010]) и Л. А. Варковицкой [Мифология 2004].

В докладе будет рассмотрена специфика лексических и грамматических форм в текстах разных типов, в частности, существенная роль в них каритивных форм.

Литература

Архив Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых. Архив отдела Сибири МАЭ РАН.

Архив Л. А. Варковицкой. Лаборатория исследования и сохранения малых языков ИЯз РАН.

Аудиоархив В. В. Рудольфа. Этнографический музей Красноселькупского района ЯНАО.

Казакевич, О. А. Видение селькупского шамана // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 195–208.

ПМ Полевые материалы автора.

Тучкова, Н. А. Мифология селькупов. Энциклопедия уральских мифологий. Том 4. / Н. А. Тучкова, А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, А. А. Ким-Мелони, С.В. Глушков, А. В. Байдак. – Томск, 2004.

Kazakevitch, Olga. Two Recently Recorded Selkup Shamanic Songs // Shaman. Szeged, 2001. Vol. 9. N 2. pp. 143–152.

Kazakevich, O. A. Архив Е. Д. и Г. Н. Прокофьевых: самодийские языковые материалы // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 32/33. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2010. pp. 257–278.

О КРИТЕРИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ, ИСКУССТВЕННЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

В современном языкознании существует несколько различных подходов к дефиниции понятий естественного и искусственного языка (см., в частности, [Иванов, 2016: 202, 205]). Подобного рода определения, однако, по ряду причин представляются неудовлетворительными. Одной из причин этому служит тот факт, что бинарное противопоставление указанных выше классов языков, без учета смешанных и промежуточных случаев, представляет собой значительное упрощение реальной ситуации [Stria, 2013: 125]. В таких бинарных классификациях не учитывается также и степень формализации языка (т. е., его соответствие признакам и критериям формального языка).

Между тем, как сказано в исследовании М. К. Тимофеевой [Тимофеева, 2003: 107], граница между естественными и формальными языками не является абсолютной и непреодолимой: более того, основание для проведения такой границы может выбираться достаточно произвольным образом. То же самое можно сказать и о границе между естественными и искусственными языками: практически каждый из известных естественных языков несет в себе некую долю «искусственности» или формализации. В частности, стандартизированные литературные языки являются в определенной мере искусственными конструктами, в частности, по причине высокой степени регуляризации и унификации языкового материала и достаточно произвольного выбора той диалектной базы, на основе которой создается литературный стандарт.

Основываясь на идеях, изложенных в работах [Stria, 2013; Stria, 2016], к языкам, обладающим известной мерой искусственности, можно отнести т. н. контролируемые языки, которые основаны на естественных языках (наиболее известным примером такого языка является бейсик-инглиш), специальные субстандарты литературных языков, а также формальные языки, созданные на основе естественных. Пограничным случаем являются, помимо прочего, пиджины и креольские языки, специфика которых определяется условиями их формирования и функционирования. Искусственные языки апостериорного натуралистического типа (примеры — межславянский язык и окциденталь) во многих отношениях также близки к естественным языкам.

Таким образом, параметры «искусственности» и «естественности» какого-либо языка представляют собой не бинарную оппозицию и не дискретную шкалу, а континуум, поскольку практически в каждом естественном языке можно найти долю «искусственности», и обратно: многие языки, относимые к искусственным, более или менее тесно связаны с естественными языками.

Литература

Иванов, В. В. От буквы и слова к иероглифу: системы письма в пространстве и времени. – 2-е изд. – М.: Издательский дом ЯСК, 2016. – 272 с.

Тимофеева, М. К. Естественные и формальные языки: логико-философский анализ. – Новосибирск: Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН, 2003. – 200 с.

Stria, I. Classifications of artificial languages // Język. Komunikacja. Informacja. Language. Communication. Information. – 2013. – No. 8. – pp. 125–132.

Stria, I. Inventing languages, inventing worlds. Towards a linguistic worldview for artificial languages. – Poznań: Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu, 2016. – 264 p.

**ПОНЯТИЕ ‘ПРЯМОЙ’ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В
ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА ⁶**

Работа посвящена полисемии лексем, выражающих значения ‘прямой’ / ‘прямо’ (о линии, о направлении движения), в татышлинском говоре удмуртского языка. Данные собраны в ходе полевой работы в татышлинском районе Республики Башкортостан в 2022–2023 гг. преимущественно методом анкетирования; для сопоставления привлекается также материал других вариантов удмуртского языка, в первую очередь полученный из словарей и корпусов литературного языка. Устройство рассматриваемой семантической зоны обсуждалось в работах по семантической теории и типологии ([Cienki, 1998; Лучина, 2014; Наний, 2016] и др.): они интересны благодаря своей полисемии, включающей связи с областью фокусных операторов (ср. рус. *Я ему позволю прямо сейчас; Ты прямо герой* и др.). Материал татышлинского удмуртского примечателен наличием сразу двух лексем с релевантной семантикой: *šon'er* и *ves'ak*

- (1) *mi šon'er / ves'ak s'üres-ti mân-i-m.*
мы прямой прямой дорога-PROL идти-PST-1PL
‘Мы ехали по прямой дороге’.

Указанные лексемы встраиваются в разные модели полисемии. Например, лексема *šon'er* описывает правильное действие (*šon'er les'tiz* ‘правильно сделал’), в большинстве идиолектов расширяется в контексты ровной поверхности (*šon'er busâ* ‘ровное поле’). Лексема *ves'ak*, будучи прозрачно связана с заимствованным из русского языка кванторным словом *ves'* [Wichmann, 1987: 313] и получая в словаре проекта [Udmcorpus] дефиницию ‘всегда, постоянно, всё время; целиком, всё’, фиксируется в некоторых квантификационных контекстах (2). В то же время в татышлинском удмуртском такие употребления, по имеющимся данным, менее распространены, чем в литературном.

⁶ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

- (2) *mon ves'ak oz'â vera-j.*
я прямо так говорить-PST.1SG
'Я ровно так сказал'.

В докладе мы обсудим эти и другие особенности дистрибуции лексем *šon'er* и *ves'ak*, сопоставив материал с типологическими обобщениями о развитии полисемии у лексем рассматриваемой зоны.

Сокращения

1 — 1 лицо, PL — множественное число, PROL — пролатив, PST — прошедшее время, SG — единственное число.

Литература

Лучина, Е. С. Пути грамматикализации лексем со значением 'прямой'. Дипломная работа. М.: МГУ, 2014.

Наний, Л. О. Прилагательные простейших форм и размеров китайского и русского языков в типологическом аспекте: дис. ... к. филол. н. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

Cienki, A. STRAIGHT: an image schema and its metaphorical extensions // Cognitive Linguistics. 1998. № 9–2. pp. 107–149.

Udmcorpus — Национальный корпус удмуртского языка. Электронный ресурс: <https://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения: 19.08.2023).

Wichmann, Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987.

**КОНФЕРЕНЦИЯ «ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В середине 40-х гг. А. П. Дульзон сформулировал научную проблему “Происхождение аборигенов Сибири и их языков”, которую начал разрабатывать вместе со своими учениками – лингвистами, археологами и этнографами. При разработке указанной проблемы применялся *комплексный подход* к исследованию языков и культур коренных народов Сибири и Севера. Данная проблема была заявлена в качестве приоритетного научного направления Томской лингвистической школой, была утверждена Министерством просвещения РСФСР и получила регистрационный № 80031039.

Занимаясь проблемой происхождения аборигенов Сибири и их языков, проф. А. П. Дульзон проявил себя как прекрасный организатор, вокруг которого сформировался значительный коллектив ученых-энтузиастов, посвятивших себя исследованию не только языков Сибири, но и этнографии и археологии аборигенных народов. Результатом работы по этой проблеме явились организованные А. П. Дульзоном Всесоюзные конференции, проходившие в Томск, начиная с 1958 г. В июне 1958 г. под руководством проф. А. П. Дульзона была проведена первая Всесоюзная конференция по комплексному изучению проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков для координации работы исследователей разных специальностей и выработки общего перспективного плана. В 1969 г. состоялась вторая конференция по этой же проблеме, а в 1973 – третья, уже после смерти А. П. Дульзона. Обмен мнений результатов по данной теме были продолжены на последующих Международных конференциях «Дульзоновские чтения» вплоть до нашего времени.

После смерти А. П. Дульзона данная проблема продолжала разрабатываться широким кругом языковедов, этнографов и археологов. Естественно, появилась необходимость в дальнейшем обмене научной информацией. Лучшей же апробацией материала являются конференции, которые начали проводить в стенах Томского пединститута (ныне университета) с 1974 г. Вначале эти конференции были межвузовскими, в которых принимали участие языковеды, этнографы и археологи только Томска, а затем сибирского региона. Проводились они ежегодно, круг участников конференций постоянно расширялся, поскольку проблема происхождения

аборигенов Сибири и их языков представляла не только локальное значение, она многочисленными нитями была связана с древней историей народов Европы, Азии, Америки и, в конечном итоге, с происхождением языка вообще.

Ким Александра Аркадьевна

Томский государственный педагогический университет (Томск)

**ПЕРСПЕКТИВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПО
ДАНЫМ ФОЛЬКЛОРА (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОСОВ КЕНИИ И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ)**

Тенденции современной глобализации вызывают беспокойство об утрате культуры и национальных ценностей у многих народов Африки. Благодаря урбанизации в Кении появился термин «поколение шенг» – люди, чье детство и молодость пришлось на 1970-1990 годы, т.е. люди, не погруженные в национальную культуру, не владеющие этническими языками, не обладающими знаниями национального фольклора и паремий.

«Поколение *шенг*» является родителями и даже бабушками и дедушками современной молодежи. Естественно, это поколение не смогло передать национальные ценности и мудрость предков своим детям и внукам. Обозначение проблемы привело к обсуждению перспектив ее решения. Предлагается образовательная и просветительская стратегия. В настоящее время в Кении фольклор признан одним из лучших методов педагогики, поскольку знание фольклора способствует устному общению и считается идеальным для преодоления разрыва между домом и школой. Фольклор, известный широкой публике как источник знаний, сделает обучение более значимым, потому что изучение фольклора может распространять позитивное культурное влияние, осознавая, что культурные различия имеют много преимуществ для обогащения культурного наследия страны в плане признания народной мудрости, а также могут принести пользу в изучении языка. Относительно языка преподавания в школах Кении существует консенсус: из двух государственных языков – английском и суахили – предпочтение отдается английскому, однако многие согласны, что полезно преподавание на родном языке в младших классах. Фольклор полезен не только для преподавания языковых предметов, но и для привития ценностей, морали, мировоззрения и культурной осведомленности.

Клячко Елена Леонидовна

Высшая школа экономики (Москва)

Рудницкая Елена Леонидовна

Институт востоковедения РАН (Москва)

НЕАДДИТИВНОЕ МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. В. Недялков [Nedjalkov, 1997: 190–191] ⁷ отмечает, что в эвенкийском языке, помимо стандартного (аддитивного) множественного числа имеется показатель *-jV* (PL.COLL) для обозначения совокупности, ср. (1).

- (1) *tar gribok-ja amākā-tin ə-śə*
тот Грибок-PL.COLL дедушка-PS.3PL NEG-PTCP.ANT
ə-śə əmə-d'ə-rə.
NEG-PTCP.ANT прийти-IPFV-PTCP.NEG
'Дедушка Грибка и его родственников не приехал'.

Если исходить из исследований по типологии [Даниэль, 2000; Daniel, Moravcsik, 2005], в достаточно большом количестве языков есть специальный показатель для обозначения неаддитивного множественного числа (как в (1)), или стандартный показатель используется для этой цели (2).

- (2) *ekspəditsijə načalniki-n tadū d'əptilə-l-ə-tin*
экспедиция начальник-PS.3SG там продукт-PL-ACC-PS.3PL
bu-t-čə tušonka-l-bə ukunmi-l-bə
дать-DISTR-PTCP.ANT тушенка-PL-ACC молоко-PL-ACC
huwul-bo-n čirinda-wa ihi-wuna-tin.
весь-ACC-PS.3SG Чиринда-ACC достичь-CVB.INT-3PL

'Начальник экспедиции там продукты выдал: тушенку, молоко и прочее, все, чтобы они доехали до Чиринды'.

В (1) представлена ассоциативная множественность (associative plural – 'X и связанные с ним лица'), а в (2) – симулятивная множественность (simulative plural – 'X и похожие на него объекты'), см. [Mauri, Sansò, 2018]. Если ассоциативное множественное число образуется от одушевленных существительных и в первую очередь имен собственных (которые находятся в самой верхней точке шкалы

⁷ И также О. А. Константинова и другие авторы грамматик.

одушевленности [Corbett, 2000]), то симулятивное [Даниэль, 2007: 303–304] не зависит от значения основы по признаку одушевленности, ср. (2).

В эвенкийском языке также встречаются примеры типа (3) – множественное число от топонимов со значением приблизительной локализации [Даниэль, 2007: 306]: этот случай также относится к случаям неаддитивного множественного числа.

(3) *jəhə-l-duk* *š'irinda-l-duk*

Ессей-PL-ABL Чиринда-PL-ABL

bajkis'i-l-duk *hiru-l-wə* *m'ihaji-ŋki:-wun.*

Байкит-PL-ABL бык-PL-ACC менять-PSTITER-1PL(EXCL)

‘Из районов Ессея, Чиринды, Байкита (названия близлежащих поселков) меняли быков’.

Литература

Даниэль, М. А. Типология ассоциативной множественности: Дис. ... к. филол. н., МГУ. – 2000.

Даниэль, М. А. Периферийные значения категории числа // Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике / Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов (ред.). Казань: Магариф, 2007. – С. 286–308.

Corbett, G. G. Number. Cambridge Textbooks in Linguistics. CUP, 2000.

Daniel, M., Moravcsik, E. A. The associative plural // Martin Haspelmath, Matthew S Dryer, David Gil, & Bernard Comrie (eds.). The world atlas of language structures, 150–153. Oxford: Oxford University Press. – 2005. URL: <https://apics-online.info/parameters/24.chapter.html> (accessed: 06.09.2023).

Mauri, C., Sansò, A., Linguistic strategies for ad hoc categorization: theoretical assessment and cross-linguistic variation // Folia Linguist. 52 (39 1), 2018. pp. 1–35.

Nedjalkov, I. Evenki. London – New York, 1997.

Томский государственный педагогический университет (Томск),
Институт системного программирования имени В. П. Иванникова (Москва)

**КОНСТРУКЦИИ С НЕТРАНЗИТИВНОЙ ПРЕДИКАТИВНОСТЬЮ В
ВАХОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА ⁸**

Изучению конструкций с нетранзитивной предикативностью посвящено большое количество типологических исследований, среди которых стоит отметить работы Т. Пейна [1997], Л. Стассена [1997], М. Драера [2007] М. Хаспельмата [2022].

После рассмотрения разных теоретических подходов к анализу подобных конструкций, в ваховском диалекте хантыйского языка были выделены следующие их типы:

Конструкции с собственным включением

- (1) *nŭŋ äjsäŋ qäśí wäs-än.*
2SG старый человек быть-2SG.SUB
‘Ты – старик’.

Эквативные конструкции

- (2) *mäŋ waŋ jaŋ wäs-óŋ.*
1PL Вах люди быть-1PL.SUB
‘Мы – ваховские люди’.

Конструкции с предикативными прилагательными

- (3) *mä äntä äjsüŋ wäs-äm.*
1SG NEG старый быть-1SG.SUB
‘Я не старый’.

Конструкции с локативными предикатами

- (4) *mä qat-nä wäs-äm.*
1SG дом-LOC быть-1SG.SUB
‘Я в доме’.

Бытийные конструкции

- (5) *qat čöŋ-nä wont.*
дом зад-LOC лес
‘Есть дом за лесом’.

⁸ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

Притяжательные конструкции

- (6) *ám-nä löy wál-wál.*
собака-LOC кость есть-PRS.3SG
'У собаки есть кость'.

Сравнительные конструкции

- (7) *lŭy os mǎ níŋæt éŋǎ-ki.*
3SG опять 1SG COMP толстый-PRD
'Он даже толще меня'.

Конструкции с предикативными абессивами

- (8) *mǎ ní-lǎy wás-əm.*
1SG жена-ABESS быть-1SG.SUB
'Я без жены'.

Конструкции с предикативными комитативами

- (9) *tʃi nǎnʃ qúl-na-tʃi.*
это элеб рыба-COM-PTCL
'Этот пирог (хлеб) с рыбой'.

В подобных конструкциях, как правило, отсутствуют семантически 'богатые' лексические глаголы, и наблюдается использование копул. Копулой может быть любая морфема, например глагол, местоимение, инвариантная частица или даже словообразовательная операция [Payne 1997: 114–119]. Также могут появляться нулевые связки в настоящем времени или отрицательные бытийные предикаты. В ваховском диалекте хантыйского языка используются такие копулы и предикаты, как *wás*- 'быть', *wál*- 'быть, жить', *ǎntím* 'NEG.EX' и нулевая копула. Также рассматривается предикативный суффикс *-iki* 'PRD', который является частью некоторых нетранзитивных конструкций.

Литература

Dryer, M. Clause Types // Language Typology and Syntactic Description. Volume I: Clause Structure, second edition. Cambridge: CUP. 2007. – pp. 224–275.

Haspelmath, M. Nonverbal clause constructions. Submitted manuscript.
<https://ling.auf.net/lingbuzz/006673> (accessed: 24.11.2022).

Payne, T. Describing morphosyntax. A guide for field linguists. University of Oregon and summer Institute of linguistics. – Cambridge University Press. 1997

Stassen, L. Intransitive predication. Oxford: Clarendon Press. 1997.

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

В условиях антропоцентричной парадигмы развития современного языкознания понятийная сфера «мир растений» становится объектом исследовательского внимания многих лингвистов, т.к. метафоры и сравнения, содержащие в своей структуре фитонимическую лексику, формируют символические значения, участвуют в выражении внешних и внутренних характеристик человека.

На основе материалов корпуса удмуртского языка [КУЯ, 2023; НКУЯ, 2023], содержащего тексты художественно-публицистического характера, нами были выявлены следующие группы флористических метафор и сравнений, формирующих значительный фрагмент языковой и концептуальной картины мира носителя удмуртского языка:

а) представления о его внешности, строении, росте и развитии, здоровье, физических характеристиках человека: *Тазалыкез тыны кадь юн*. 'Его здоровье крепкое как дуб'; *Палэнысен ныро губилы кельше со*. 'Со стороны он похож на гриб'; *Нош йырсие мынам съёд. Тон ачид ик куака бурд кадь шуылд ук. Нош синъёсме зангариен ёошатылд*. 'А волосы у меня чёрные. Ты сам называл их вороньим крылом. А мои глаза сравнивал с васильками'. *Концертэ со тужгес тузй майкаен, чиясь лосиныен потэ, пештырсем йырсиез кыдёкысен унябей сяська кадь адске*. 'На концерт она выходит в модной майке, блестящих лосинах; взъерошенные волосы издалика напоминают цветок одуванчика' и др.;

б) представления о человеке как личности, о его характере и моральных качествах: *Сямыз жег нянь но тйни*. 'Букв. По характеру он ржаной хлеб (в знач. добрый)'. *Нингуби кадь – шарк-шарк, йён-йён, рос-прос*. 'Он как груздь – крепкий, серьезный, тщательный'. *Небзем губи тон, Аркаш. Ас кышнодэ но кияд кутэмед уг луы*. 'Ты как сгнивший гриб, Аркадий (в знач. с мягким характером). Даже свою жену не можешь держать в руках' и др.;

в) представления о человеке как представителе общества, носителя социальных функций: *Бжлюгы кадь мертчиськиз, нерад луэме бере, мон шуи ни: ветлом ке ветлом*. 'букв. Он пристал как назойливая череда; когда мне все это надоело, я согласился: давай сходим'. *Тодйськоды ук Пупышеваез, люгы кадь лякиськоз, нокытчы*

уд *пегзӥ*. ‘Вы же знаете Пупышеву: привяжется как репейник, никуда не сбежишь’ и др.

На основе анализа фитонимической метафоры удмуртского языка можно сделать вывод, что данная группа лексических единиц имеет важный аксиологический статус, который позволяет расширять семантические значения исследуемой группы слов.

Литература

Корпус удмуртского языка (КУЯ) // Udmurt corpus - Corpus search page (web-corpora.net) (дата обращения: 15.08.2023)

Национальный корпус удмуртского языка (НКУЯ) // (Основной корпус (udman.ru)) (дата обращения: 15.08.2023)

ПОПУЛЯЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ УРАЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Мир уралоязычных популяций – особый языковой континент северной Евразии, прошлое которого менее изучено в сравнении с индоевропейским миром. Генетики может дать свою полезную информации для реконструкции истории уралоязычного населения. Накопленные данные позволяют выявить следующие популяционные процессы в прошлом.

Финно-угорские популяции отличаются присутствием западносибирского компонента, который присутствует во всех современных финно-угорских популяциях севера Европы от Поволжья и Прикамья до Балтии и Фенноскандии. Дата его распространения датируется периодом 6 – 4,5 тыс. лет назад. Важно, что доля западносибирского компонента убывала по мере расселения финно-угорского населения с востока на запад [Tambets, 2018].

Потомки уралоязычных мигрантов вероятно продолжали свои перемещения на востоке Балтии в I тыс. до н.э. [Tambets, 2018]. В Волго-Окском междуречье популяции финно-угров сосуществовали с популяциями славян до XIII в. [Peltola, 2023].

Предки венгров были выходцами из ареала Кушнаренковской культуры в Приуралье. Уже по мере движения в Придунавье они менялись генетически, включая население из других регионов, а после прибытия были поглощены центральноевропейскими обитателями [Maroti, 2022]

Отдельно от финно-угорской формировалась история самодийцев. Часть самодийцев, оставшаяся на юге, стала предками саянских самодийцев и селькупов, где селькупы очень сблизились с кетами и с степени местными уграми. Другая группа, переселившаяся на север в I тыс. н.э., в тундровую зону куда принесла туда компоненты, характерные для южносибирского населения эпохи железа, и вобрала в свой генофонд компонент прежнего населения генетически близкого нганасанам [Karafet, 2018].

Литература

Karafet, T. M., Osipova, L. P., Savina, O. V. et. al. Siberian genetic diversity reveals complex origins of the Samoyedic-speaking populations // *Am J Hum Biol.* – 2018. № 30. Vol.6 – e23194.

Maróti, Z, Neparáczki, E, Schütz, O., at al. The genetic origin of Huns, Avars, and conquering Hungarians // *Curr Biol.* – 2022. Vol. 32. № 13. pp. 2858–2870.

Tambets, K., Yunusbayev, B., Hudjashov, G., at al. Genes reveal traces of common recent demographic history for most of the Uralic-speaking populations // *Genome Biol.* – 2018. Vol.19. №1– e:139

Peltola, S., Majander, K., Makarov, N., et al. // *Curr Biol.* Genetic admixture and language shift in the medieval Volga-Oka interfluve. – 2023. Vol. 33. №1. pp. 174–182.

Корчуганова Анастасия Александровна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва)

Манкыров Тамерлан Олегович

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва)

ТОПОНИМИЯ АЛТАЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Названия географических объектов у многих народов изобилуют цветообозначениями: алтайский язык не является исключением. Цель нашего анализа – выявить наиболее и наименее продуктивные колоронимы, участвующие в образовании названий географических объектов на территории Горного Алтая.

В ходе работы мы отметили, что наиболее частотными в алтайской топонимии являются лексемы *ак* ‘белый’ и *кара* ‘чёрный’, например: *Акташ* ‘Белый камень’; *Ак Жол* ‘Белая дорога’; *Кара-Ануй* ‘Чёрное гнездо (логово) зверя’; *Каракөл* ‘Черное озеро’. Третьим по частотности употребления в алтайской топонимии является цветовой компонент *сары* ‘жёлтый’ [Молчанова, 1986: 192]: *Сары-Тыт* ‘Жёлтая лиственница’; *Сары-Чиби* ‘Жёлтая ель’ и др.

Важную роль в образовании алтайских топонимов играет лексема *кызыл* ‘красный, рыжий’: *Кызыл-Таш* ‘Красный камень’; *Кызыл-Балта* ‘Красный топор’; *Кызыл-Кујур* ‘Красный солончак’. *Кызыл* участвует в образовании названий рек, населенных пунктов, гор.

Наименее продуктивным оказалось обозначение *јажыл* ‘зелёный’, производная от *јаш* ‘молодой, маленький’ [Балакина, Дедеева, 2015: 44]. Мы обнаружили два примера употребления в составе топонимов: *Јаш-Агаш* ‘Зелёный лес’; *Јаш-Көлдин-Кыры* ‘Гора зелёного озера’ [Молчанова, 1979: 179]. Однако нам не удалось обнаружить топонимов с компонентом *күрен* ‘коричневый’.

Кроме того, мы проследили связь между цветообозначениями и классом топонимов. Так, лексема *боро* ‘серый’ является уникальной для оронимов – названий элементов рельефа земной поверхности [Доржиева, 2019: 55] – в нашем случае названий гор, ущелий, логов: *Боро-Бургазы* ‘ущелье’; *Боро-Суугаиш* ‘Серая маленькая речка (лог)’. Исторически *боро* обозначает всевозможные оттенки серого цвета: серо-бурый, серо-зеленый, серо-голубой, поэтому оронимы с данным компонентом навевают ассоциации с горной дымкой или растительностью, которой покрыты логи [Молчанова, 1979: 31].

Наиболее «цветными» являются гидронимы, в составе которых встречаются самые разные цветообозначения. Среди них есть как реки: *Боро* ‘серый’; *Кызыл-Яр* ‘Красный берег (яр)’; *Кёк суу* (рус. Кокса) ‘Синяя вода (река) (*кёк* ‘синий, голубой’)’; *Каракокша* ‘Тёмно-синий’; так и озёра, например, знаменитое Телецкое озеро или *Алтын-Көл* ‘Золотое озеро’. Множество «цветных» топонимов относятся к классу ойконимов – названий населенных пунктов, например, *Кокбеш* (рус. Кок-Паш) – ‘Голубая вершина горы’. Часто их названия совпадают с одноименными реками, на которых они стоят: *Кара-Турук* – это и река, и ручей, и ущелье, и посёлок.

Таким образом, цветообозначения часто принимают участие в образовании алтайских топонимов, формируя уникальный языковой и культурный облик региона. Топонимы с цветовым элементом в своем составе являются отражением сознания народа и того, в каких оттенках он видит окружающую его действительность.

Литература

Балакина, О. Н., Дедеева, В. С. Алтайско-русский словарь, 1-е издание. – Горно-Алтайск: РОО «Лепта», 2015. – 168 с.

Доржиева, Г. С. Ономазиология vs ономастика: проблемы номинации: учебное пособие. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2019. – 196 с.

Молчанова, О. Т. Жёлтые цвета в алтайской ономастиконе // *Turcologica*. – 1986. – С. 192–201.

Молчанова, О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая / Под ред. А. Т. Тыбыковой. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во. Горн.-Алт. отд-ние, 1979. – 398 с.

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва)

**ПАМЯТНИКИ XVIII ВЕКА В КЛАССИФИКАЦИИ МАНСИЙСКИХ
ДИАЛЕКТОВ: ЧУСОВОЙ СЛОВАРЬ ИЗ АРХИВА Г. Ф. МИЛЛЕРА⁹**

Исследование посвящено мансийскому словарю по р. Чусовая из архива Г. Ф. Миллера, датированного первой половиной XVIII в. Данные об этом источнике в других архивах (например, Шёгрена и Палласа) не содержатся, а единственный источник, в котором упоминался чусовой диалект, – это статья 1958 г. венгерского лингвиста Я. Гуя. В ней автор на примере нескольких мансийских слов, зафиксированных в XVIII в. на территориях Нижнего Тагила, Нижней Туры и по течению р. Чусовая выделяет три признака, отличающих диалекты этих мест от других. Сопоставление чусового словаря Г. Ф. Миллера с аналогичными лексемами из статьи Я. Гуйи показало расхождение с выводами ученого. В связи с чем было также решено проверить уровень соответствия данных чусового диалекта с другими мансийскими диалектами, зафиксированными в том же регионе и в тот же период времени – неизвестным диалектом из архива Палласа, березовским, соликамским, чердынским, кунгурским, верхотурским и капринским. Полное описание этих источников по классификационным чертам Л. Хонти было осуществлено Ю. В. Норманской в статье «Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых кириллических книг и словарей XVIII–XIX веков)» (2022 г.). Обратившись к этому исследованию, мы провели сопоставительный анализ всех данных и пришли к выводу, что мансийский словарь по р. Чусовая из архива Миллера подтверждает полученные выводы лингвиста об отсутствии в XVIII в. диалектно-дифференцирующие признаков для северных и западных диалектов, которые в свое время выделил Л. Хонти. Однако переход ПМанс. $*k > \chi$ перед задними гласными, указанный Ю. В. Норманской как единственный, характерный только для северных диалектов на основании данных чусового диалекта, по традиционной классификации являющегося западным, не получил подтверждения: в нем зафиксирован такой же переход, как и в северных (*chot* ‘шесть’, *chórom* ‘три’). Кроме того, в процессе изучения этого

⁹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по. 20-18-00403 “Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных” (рук. Норманская Ю. В.)

источника мы выявили также несколько незафиксированных ранее в мансийском языке особенностей.

**ВАРИАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В
ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД**

Феномен вариативного оформления прямого дополнения (differential object marking, DOM), когда последнее может кодироваться по-разному в зависимости от определенных факторов, зафиксирован в большинстве уральских языков [Wickman, 1955; de Swart, 2007]. Татышлинский говор удмуртского языка не является исключением, при этом он в целом существенно отличается от других вариантов удмуртского, находясь под интенсивным тюркским влиянием, а феномен DOM в нем ранее не изучался. Материал собран методом анкетирования в 2023 г. в Татышлинском р-не Республики Башкортостан.

Прямое дополнение (ПД) в татышлинском удмуртском может маркироваться аккузативом, кумулятивным показателем аккузатива и посессивности или не маркироваться вовсе. Посессивный аккузатив в большинстве случаев маркирует принадлежность (1).

- (1) *so terga-Ø-z kat'a-les' apaj-ze / *apaj-ez / *apaj.*
тот ругать-PST-3SG Катя-GEN2 сестра-ACC.POSS.3SG сестра-ACC сестра
'Она отругала Катину сестру'.

В остальных контекстах выбор кодирования ПД определяется следующими факторами:

- положение на иерархии одушевленности (одушевленные ИГ практически всегда оформлены показателем, неодушевленные ИГ крайне редко (2));
- референциальный статус (конкретно-референтные определенные ИГ, особенно с модификаторами, чаще требуют оформления аккузативом, (3));
- коммуникативная структура (ИГ, находящиеся в теме, с большей вероятностью маркированы, (4)).

- (2) *so ber-e kat'a pijaš-ez / *pijaš ôč'-i-z s'ijâ-nâ.*
тот зад-ILL Катя мальчик-ACC мальчик звать-PST-3SG есть-INF
'Потом Катя позвала мальчика поесть'.

- (3) *vas'a žuk-ez / *žuk ukno-jeti zurgât-i-z.*
 Вася каша-ACC каша окно-PROL швырнуть-PST-3SG
 ‘{Мама приготовила Васе кашу.} Вася выбросил кашу в окно’.

- (3) *ž'ič'â a'ž'-em kâz'pû-jez no terga-m kijon-ez.*
 лиса видеть-PST2 береза-ACC ADD ругать-PST2 волк-ACC
 ‘{Волк пошел и принес березу.} Лиса увидела березу и отругала волка’.

В целом данные татышлинского говора сопоставимы с данными литературного [Кондратьева, 2002] и бесермянского удмуртского [Сердобольская, Толдова, 2012: 103–112], однако есть и существенные отличия. В частности, в бесермянском важны факторы квантификации ИГ (полнота действия и воздействие на предмет или его часть) и наличия / отсутствия контраста, а одушевленность, напротив, не влияет на маркирование. Для литературного удмуртского значимы факторы квантификации ИГ и линейной позиции ПД. В докладе мы подробнее прокомментируем релевантные факторы и их взаимодействие в разных вариантах удмуртского, а также в других родственных идиомах.

Сокращения

1-3 лицо; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; GEN2 – второй генитив; ILL – иллатив; INF – инфинитив; POSS – посессивность; PROL – пролатив; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PST2 – второе прошедшее время; SG – единственное число.

Литература

Кондратьева, Н. В. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): Дис. ... к. филол. н. Ижевск: УдГУ, 2002.

Сердобольская, Н. В., Толдова, С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Кузнецова А. И. (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59–141.

De Swart, P. J. F. Cross-linguistic variation in object marking: Ph.D. diss. Utrecht, 2007.

Wickman, B. The Form of the Object in the Uralic Languages. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri Aktiebolag, 1955.

Полевые данные по татышлинскому удмуртскому собирались в 2022–2023 годах в Татшлинском районе Башкирии методом анкетирования. В указанном идиоме существует две основные стратегии встраивания в поле боли. Во-первых, дуративная (глагольная) [Брицын и др., 2009], сближающая процессные предикаты со стативным *vis'ânâ* 'болеть' на основе идеи длительности. Во-вторых, ранее не описывавшаяся деепричастная стратегия (1), которая сохраняет акциональные и морфосинтаксические характеристики базового глагола *vis'ânâ* 'болеть', а вторичный болевой глагол принимает форму деепричастия и обозначает тип боли.

- Переход в поле боли также сопровождается синтаксической перестройкой, сильнее всего она выражена у исходно переходных глаголов, теряющих валентность на прямой объект (2).

- В таких конструкциях часть тела кодируется номинативом, что отличает данный идиом от финского, водского и др. языков, но сближает его с эстонским, коми-зырянским и горномарийским. Однако татышлинский удмуртский использует и другое кодирование актантов, о чем будет подробнее рассказано в докладе.

Литература

Концепт БОЛЬ в типологическом освещении / Ред. В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская. – Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – 424 с.

Жорник, Д. О., Хомченкова, И. А. Предикаты боли в горномарийском языке: семантика и морфосинтаксис // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» / ред. Е. М. Девяткина. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2017. – 95–112.

Лучина, Е. С. Концептуализация боли в мужевском говоре коми-зырянского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2011. – № 3. – С. 122–128.

Leinonen, M. et al. Kur tev sāp? – Where does it hurt? Location and impersonal predicates referring to body parts in Finnish and Latvian // Valoda: nozīme un forma. – 2017. – №. 8. – С. 194–211.

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНООРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СОВРЕМЕННОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КЕНИИ**

Этноцентрированный подход в современной лингводидактике (И. Е. Бобрышева, Е. А. Брызгунова, В. Н. Вагнер, О. Д. Митрофанова, Л. В. Московкин, Е. И. Мотина, С. А. Хавронина и др.) основан на целесообразном сочетании в культурно-образовательном пространстве универсальной и национально обусловленной составляющих. Речь идет об обязательной ориентации в обучении на знание особенностей родной лингвокультуры и картины мира слушателей, их менталитета, коллективного национального психофизиологического портрета, коммуникативного, в том числе речевого, поведения, критериев национальной идентичности и показателей национального самосознания. Значимым является также учет специфики синхронно-диахронного функционирования их родного языка и/или языка-посредника, реализующего цели институциональной коммуникации и повседневного общения.

Сегодня происходит укрепление позиций стран Африки на геополитической карте мира, при этом очевиден «поворот» интереса африканцев на Восток. В свою очередь, Россия наращивает свое присутствие в Африке. Сказанное определяет интерес российских ученых к изучению черт африканской ментальности, имеющих проявления, в том числе, в образовательной деятельности.

В частности, решение вопросов преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в аудитории обучающихся-кенийцев определяется спецификой их языковой и культурной идентичности. Кения — англоязычная страна, которая, как и другие, получившие независимость африканские государства, в своем развитии ориентирована на формирование чувства национальной идентичности в сознании своих граждан. В основе проводимой государством современной языковой политики лежит внедрение в общественную коммуникацию родного языка — суахили, придание ему статуса государственного и национального, наряду со вторым официальным языком — английским. Особую актуальность приобретает анализ осложняющих и благоприятствующих факторов, влияющих на организацию в Кении этноориентированного обучения на русском языке.

В качестве самостоятельной и значимой методической задачи обозначим постановку и решение вопроса создания этноориентированного учебника РКИ для кенийских обучающихся. Подобный учебник должен иметь не грамматическую, а коммуникативную (с большим количеством диалогов и ситуаций из жизни представителей России и Кении) и культурологическую (культурные объекты России и Кении в качестве дидактического и методического материала) направленность. Коммуникативные задания должны строиться на сравнении ситуаций «в России» и «в родной стране».

Предполагается, что обозначенный подход будет эффективен в практической деятельности специалистов, преподающих РКИ в аудитории представителей стран Африки.

**КОГДА МЫ, ГУСИ, ПРЯТАЛИСЬ ОТ ОХОТНИКОВ, Я ДУМАЛ:
«Я ЧЕЛОВЕК – Я ДОЛЖЕН ВЫЖИТЬ!»**

В современной сибирской антропологии у западных теоретиков сложился устойчивый образ коренных сибирских народов, представлявший их как успешных охотников, для которых добыча диких животных очень похожа на акт соблазнения добычи, заставляющий диких животных приносить себя в жертву человеку. Это не относится к домашним животным, так как, в отличие от диких, они работают на человека. У диких животных есть свобода, но они же и те, на кого можно охотиться. Не все дикие животные могут защитить себя и защититься от всемогущей силы людей и их орудий смерти. В сибирских шаманских легендах человек может пригласить диких животных жить с ним и его семьей, пообещав им защиту от хищников и других людей. В сказаниях шаман может также превратиться в дикое животное, но не в домашнее. Превращаясь в форму дикого животного, шаман получает возможность общаться с духами, хранителями животных и земли. Если этот человек, превратившийся в дикого зверя или птицу, оказывается в ситуации, когда охотники ведут массовую охоту на стадо животных, к которому он примкнул, или стаю птиц, то обычно лишь ему удастся избежать смерти. Шаман говорит, что когда он превратился в гуся, он все еще думал как человек. Это помогло ему скрыться от охотников. При этом он говорит об этой охоте не как о сакральном акте, приношения животного в жертву людям, а скорее как об историях выживших после массовых казней людей во время геноцида или в ситуации войны. В своем выступлении я хочу сказать, что любая охота – это не так называемый «Акт пожертвования животных себя в дар человеку», а акт отнятия энергии другого живого существа в интересах человека. Лишение жизни других, даже животных, остается грехом. Может быть, поэтому во время жертвоприношения или праздника добытого зверя сибирские охотники не говорят прямо о добыче крупного зверя, а говорят, что это сделали не они, а кто-то другой, которого они не знают.

О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В С. АПОЛЛОНОВКА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

На территории Западной Сибири населенные пункты, в которых есть меннонитские общины, традиционно считаются немецкими, несмотря на особенности как самого сообщества меннонитов, так и своеобразие нижненемецкого меннонитского языка (самоназвание *Plautdietsch*, плотдич). Репрезентативны Протасово, Полевое и другие населенные пункты Немецкого национального района на Алтае, Солнцевка, Миролубовка и многие другие села Омской области, д. Неудачино в Новосибирской области. Особого внимания заслуживают населенные пункты, в которых есть достаточно крупные общины с большим количеством говорящих (от двух-трех сотен человек и больше).

Аполлоновка – село в Омской области на границе с Казахстаном, где проживает около тысячи человек. Это потомки меннонитов, переселившихся в Сибирь в начале прошлого века из молочанских колоний Украины. Населенный пункт дистанцирован от внешнего мира в силу некоторых объективных причин (плохая дорога до районного центра с. Исилькуль, частые перебои со связью и т.д.).

Языковая ситуация и особенности языка, на котором говорят жители села имеют своеобразие и до сих пор не исследовались. В докладе я буду опираться на данные своей поездки в Аполлоновку летом 2022 г.

Особое внимание хотелось бы уделить следующим вопросам:

- этническая и конфессиональная самоидентификация носителей;
- языковые компетенции разных групп говорящих;
- владение, наряду с родным *Plautdietsch*, русским языком и литературным немецким языком у разных групп носителей;
- наиболее яркие особенности в области языка меннонитов *Plautdietsch*, зафиксированные во время экспедиции в Аполлоновку.

Томский политехнический университет (Томск)

**СИБИРСКАЯ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В
АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

По теме истории обзора различных экспедиционных поездок ученых по изучению селькупского этноса, проживающего на территории Томской области, было опубликовано много работ [например, Карапетова, 2005; Тучкова, 1995; Торощина, 2007 и др.]. Экспедиционные обследования проводились учеными разных регионов и в различные годы. В конце 1980-х годов и в 1990-е годы комплексное изучение селькупского этноса осуществлялись сотрудниками и студентами Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского). Экспедиция была обозначена как – сибирская историко-этнографическая, руководителем и участником являлся Л. Т. Шаргородский [Шаргородский, 1994].

Материалы по этим экспедициям были переданы в научный архив музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. В музее хранятся как предметы, привезенные из комплексных экспедиций, так архивные дела, которые содержат отдельные листы-карточки полевой описи. В этих карточках фиксировалась различная информация, касающаяся всех сторон жизни, в основном, селькупского населения.

Таким образом, целью доклада является рассказать о сибирских историко-этнографических экспедициях ОмГУ им. Ф. М. Достоевского и сделать обзор информации, которую содержат два архивных дела научного архива музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского [Ф.1.Д.44-1 и Ф.1. Д.59-2].

Литература

Карапетов, И. А. Собрание Российского этнографического музея по селькупам // Культурное наследие народов Сибири и Севера: VI Сибирские чтения. – СПб: МАЭ РАН, 2005. – С. 78–83.

Селькупы. Томская область. Верхнекетский и Колпашевский районы. 1987 г. // Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. – Ф. – I. – Д. 44 – 1.

Селькупы. Томская область. Каргасокский район. 1990 г. // Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. – Ф. – I. – Д. 59 – 2.

Торощина, Н. В. Страницы истории «коренизации» селькупов Нарымского округа в 1930-е гг. (по материалам отчёта Е. Д. Прокофьевой) // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск: Ветер, 2007. – Т. 14. – С. 64–71.

Тучкова, Н. А. Этнографические сборы М. Б. Шатилова 1924 г. в фондах Томского краеведческого музея // Труды Томского государственного объединённого историко-архитектурного музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – Т. 8. – С. 104–120.

Шаргородский, Л. Т. Современные этнические процессы у селькупов. М.,: 1994. – 187 с.

**О ФОРМАХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В КЫЗЫЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ
ХАКАССКОГО ЯЗЫКА¹⁰**

В докладе будут рассмотрены формы настоящего времени, производных от глаголов положения в пространстве в кызыльском диалекте хакасского языка. Материал исследования собран в ходе экспедиций Института языкознания РАН в 2015-2019 гг., мы также пользуемся опубликованными материалами по кызыльскому диалекту и текстами, представленных в Электронном корпусе хакасского языка (<https://khakas.altaiica.ru/>).

Известно, что в южных диалектах хакасского языка (сагайском и шорском), а также в литературном хакасском языке источником продуктивного аффикса настоящего времени является глагол *чат* 'лежать':

- (1) *ол* *узу-п-ча*.
он спать-CvP-Pres
'Он спит'.

В кызыльском диалекте все три глагола положения в пространстве (*тур* 'стоять', *одыр* 'сидеть', *шат* 'лежать') грамматикализуются в аффиксы настоящего времени. Ср. примеры из [Патачакова, 2013]:

- (2) *ойна-п-ту-зың* / *ойна-п-шат-сың* / *ойна-в-от-сың*.
играть-CvP-Pres-2sg / играть-CvP-Pres-2sg / играть-CvP-Pres-2sg
'Ты играешь'.

Особо отметим, что в кызыльском диалекте от глаголов *тур* и *одыр* образуются отрицательные формы настоящего времени, а также причастные формы, таким же образом, как от глагола *чат* в литературном языке и в других диалектах:

- (3) *тең-бе* *хайна-п-ту-ған* *суғ-дэ* (кыз.).
тиг-бе *хайна-п-чат-хан* *суғ-ды* (саг.).
трогать-Neg кипеть-CvP-Pres-Past вода-Асс
'Не трогай кипящую воду'.
- (4) *ол* *істен-мин-дур* (кыз.).

¹⁰ Работа выполнена в рамках проекта РНФ 22-64-00060 "Гены и языки народов Сибири. Реконструкция генетико-демографических, лингвогенетических и этнокультурных процессов в популяциях коренного населения"

ол тогын-мин-че (саг.).

он работать-CvNeg-Pres

‘Он не работает’.

(5) хонар чир урун-мин одыр-ады.

ночевать-Fut земля встретиться-CvNeg сидеть-Pres

‘Места для ночлега не встречается’.

(6) чир-дең үс пөрөмн сых-ып одыр-хан иб.

земля-AbI три бревно выйти-CvP Pres-Past дом

‘Дом с тремя бревнами, из-под земли выходящими’

Мы сравним частность употребления всех трех грамматикализованных глаголов и попробуем определить границы распространения этого явления, сопоставляя кызыльские данные с примерами из соседних идиомов – чулымского языка и качинского диалекта хакасского языка.

Литература

Доможаков, Н. Г. Кызыльский диалект хакасского языка. Дис. ... к. филол. н. Абакан, 1949.

Патачакова, Д. Ф. Кызыльский диалект хакасского языка (краткий очерк). Пособие для учителя. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2013.

«МИР МЕРТВЫХ» В ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ МИРА ХАНТОВ

Многие угроведы отмечают наличие существенных языковых и культурных различий между северными и восточными группами хантов, которые объясняются особенностями их формирования. В докладе будут рассмотрены представления о мире мертвых у этих групп хантов. Автор основывает свое исследование на полевых материалах и данных из опубликованных этнографических трудов.

Северные ханты придерживаются идеи горизонтального тройственного устройства мира и «мировой реки». В их традиционном мировоззрении мир мертвых – море (водное пространство), находящееся на севере за устьем Оби, которое называется *Чорас*. В картине мироздания восточных хантов мир также тройственный, но вертикальный с «мировым древом». Верхний и Нижний мир делятся на семь планет или ярусов. Местоположение мира мертвых определяется как подземное – *Ат пелек* («ночи сторона»). У северных хантов существуют представления о нескольких божествах мира мертвых – Куль-ики, Хынь-ики, Курыльпи-ики, у которых особые культы и священные места. У восточных групп хантов хозяином мира мертвых выступает Мыг-ики, почитаемый как главный среди подземных духов. Северные ханты связывают с нижним миром птицу гагару, у восточных такой связи не обнаруживается.

Различные космологические модели объясняют отличия в пантеоне богов и в ритуалах восточных и северных хантов. Представления о пути в мир мертвых разнятся: он лежит либо под землей (восточные), либо вниз по реке (северные). Кладбища у восточных хантов располагаются к западу от селения, т.е. в сторону захода солнца, а у северных – вниз по течению реки. По представлениям северных хантов, душе умершего нужно пробиться на остров в озере мертвых через высокие горы, водные потоки и злых собак. Восточные ханты полагают, что душа умершего проделывает долгий путь под землей, проходит через два кипящих котла со смолой, затем через два топора, минуя злых собак.

КЕРАМИКА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ПАЧАНГА И ОСТЯЦКАЯ ГОРА

В докладе представлен предварительный анализ керамики из курганных могильников XVI-XVII вв. Пачанга и Остяцкая Гора, которые были определены А. П. Дульзоном, как остяцкие [Дульзон, 1955]. До этого керамика из могильников не подвергалась специальным исследованиям. Вместе с тем, керамический материал является одной из наиболее массовых и информативных категорий инвентаря средневековых памятников.

Анализ материала проводился в рамках историко-культурного подхода. В рамках историко-культурного подхода, керамика рассматривается как овеществлённый результат действия навыков труда и культурных традиций древних гончаров [Бобринский, 1978: 78]. «Навыки труда» – это устойчивый комплекс действий, производимых гончаром при выполнении разных технологических задач по созданию сосуда. Передаваясь из поколения в поколение в рамках одной группы, они постепенно превращались в устойчивые культурные традиции. По особенностям стилистики орнамента, технологии его нанесения, форм сосудов, а также по соотношению форм сосудов и орнаментов, можно уточнить этническую историю, а также преобладающие в каждом отдельном случае культурные компоненты.

Исследование позволило выявить специфику форм и орнаментации сосудов, а также соотношение выделенных культурных традиций по изготовлению сосудов с особенностями погребального обряда.

Литература

Дульзон, А. П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчаново на Оби // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. – 1955. – № Т. 13. – С. 97–154.

Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения / А. А. Бобринский – М.: Наука, 1978. – 272 с.

**ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ В ПАМЯТНИКЕ
ХАНТЫЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ Л. П. ВОЛОГОДСКОГО «МАТВЕЙ ELTA
JEMYŃ AĬKOL-JASTYPSA» (1868) ¹¹**

В докладе предлагается обзор глагольной морфологии в памятнике хантыйской письменности «*Matveï elta jemyŋ aĭkol-jastypsa*». Это издание опубликовано в 1868 году в Лондоне и содержит перевод на хантыйский язык 10 глав «Евангелия от Матфея». Текст исследуемого памятника записан латиницей. Перевод на хантыйский язык был осуществлен священником Лукой Вологодским. Глоссированная версия памятника с переводом на русский язык представлена на лингвистической платформе LingvoDoc (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1167/4/perspective/1167/6/view>). К анализу привлекаются опубликованные материалы по западным диалектам хантынского языка [Steinitz, 1939; Rédei, 1965; Honti, 1986; Николаева, 1995; Каксин, 2007; Кошкарева (ред.), 2011] и др.

В докладе будет рассмотрен инвентарь глагольных показателей и особенности их употребления в памятнике письменности в сопоставлении с современными данными.

На титульном листе книги указан обдорский диалект, однако исследователи отмечают, что «обдорский диалект Вологодского» является смешанным идиомом с березовскими чертами. Проведенное исследование внесет ясность в диалектную принадлежность указанного памятника письменности, а также позволит восстановить ареал распространения хантыских диалектов в XVIII веке.

Литература

Диалектологический словарь хантынского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011. – 208 с.

Каксин, А. Д. Казымский диалект хантынского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – 134 с.

¹¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (рук. Ю. В. Норманская).

Николаева, И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М.: Гамбург, 1995. – 256 с.

Honti, L. Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1986. – 285 p.

Rédei, K. Northern ostyak Chrestomathy. 1965. – 132 p.

Steinitz, W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Teil 1. Tartu, 1939. – 460 S.

Словарь «Matveï elta jemyn' aïkol-jastypsa» // LingvoDoc. Лингвистическая платформа. Режим доступа:

(<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1167/4/perspective/1167/6/view>) (дата обращения: 01.09.2023).

**КЛАССИФИКАЦИЯ СЕЛЬКУПСКИХ ДИАЛЕКТОВ В XVIII–XIX В. И
ПРОГРАММЫ АНАЛИЗА БЛИЗОСТИ ЯЗЫКОВ НА ЛИНГВОДОКЕ**

Как отмечает Е. А. Хелимский, накопление и систематизация селькупских языковых данных – в первую очередь, собранных А. П. Дульзоном и его школой – позволило достичь ясности и полноты в картине диалектного членения селькупской территории. Анализ первых диалектных словарей, созданных в XVIII в., по основным диалектно-дифференцирующим изоглоссам, показал, по мнению Е. А. Хелимского, что в тот период классификация не была принципиально иной, см. подробнее обзор литературы в [Хелимский, 2000: 68–79]. Но, как показал компьютерный сравнительный анализ полных рукописей первых словарей и современных селькупских аудиословарей, записанных от последних носителей языка, показывает, что за истекшие 250 лет классификация диалектов все же менялась.

Благодаря работе в архивах Москвы и Санкт-Петербурга нам удалось оцифровать оригиналы наиболее ранних рукописей селькупских словарей, записанных Г. Ф. Миллером и собранных П. С. Палласа в XVIII в.. В статье [Хелимский, 2000: 68] указывается, что словари, изданные П. С. Палласом, взяты у Г. Ф. Миллера. Однако их анализ позволил выявить множество системных различий, поэтому мы анализируем эти рукописи, как независимые источники. В настоящее время из 5 рукописных словарей Г. Ф. Миллера (карасинский, томский, кетский, тымский, нарымский) и 4 словарей П. С. Палласа (тазовский, томский, кетский, нарымский) создано 9 баз данных, которые доступны он-лайн на платформе ЛингвоДок (lingvodoc.ispras.ru) и связаны между собой и с современными селькупскими аудиословарями этимологическими связями. На ЛингвоДок с помощью специальной авторской программы «Анализ когнатов в разных диалектах одного языка», воспроизводящей работу этимолога, были проанализированы, во-первых, графико-фонетические изоглоссы, которые различали словари Г. Ф. Миллера (проанализирована 1151 лексема из 5 словарей), П. С. Палласа (проанализировано 915 лексем из 5 словарей) и 4 современных аудиословаря (проанализирована 1230 лексем, соединенных этимологиями): (тазовский по материалам Е. А. Хелимского, верхнетолькинский по материалам О. А. Казакевич, нарымский по материалам Н. Л. Федотовой, кетский по материалам О. А. Казакевич.

Во-вторых, на ЛингвоДоке выполнен глоттохронологический анализ 8 словарей селькупского языка, созданных на материалах XVIII в. (П. С. Палласа), XIX в. (Н. П. Григоровского), XX в. (Ю. А. Морева, Е. А. Хелимского) и XXI вв. (О. А. Казакевич).

В результате было выявлено, что уже 250 лет назад надежно различались северный и южно-центральный селькупские языки, сходство между которыми от 81 до 85% в зависимости от диалектов. Но внутренняя классификация южных и центральных диалектов изменилась за последние три века.

Литература

Хелимский, Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000.

**ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ
ЯЗЫКАХ (ПО ДАННЫМ ПЕРЕВОДОВ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТОВ)**

В докладе обсуждается дистрибуция отрицательных местоимений в прибалтийско-финских языках (п.ф.я.). Материалом исследования послужили переводы текстов 4-х Евангелий на 6 идиомов: финский, эстонский, сето, ливвиковский и северный варианты карельского и вепсский языки.

Под отрицательными местоимениями мы подразумеваем два класса единиц, объединяемых употреблением в контексте прямого отрицания, которые обсуждаются в литературе – это единицы отрицательной полярности (NPI, [Giannakidou, 2011] и др.) и единицы отрицательного согласования (NCI, [Penka, 2011] и др.).

Среди NPI в п.ф.я. в первую очередь выделяется серия местоимений, образуемых на базе показателя аддитивности *-kaan*, чья дистрибуция ограничена отрицательными контекстами (см. подробнее в [Lohiniva, 2018]). Наши данные показывают, что местоимения на базе этого показателя лучше всего характеризуются как сильные NPI. Их дистрибуция ограничена контекстами, которые можно охарактеризовать как антиаддитивные (см. обсуждение этого понятия, а также классификацию NPI на сильные и слабые в [Penka, 2020]), а также в общем вопросе. Также к NPI мы относим эст. единицу *üks-ki* ‘один-ADD’ или её аналог *ütski* в сето. NCI характерны для карельского и вепсского языков, где они образуются на базе заимствованного из русского показателя *ni-* (см. [Blockland, 2011]), который присоединяется к вопросительному местоимению. Дистрибуция итоговых единиц ограничена прямым отрицанием, причем можно показать, что эта зависимость имеет скорее синтаксический характер, что видно по невозможности лицензировать эти единицы без показателя сентенциального отрицания, а также по отношению локальной зависимости между показателем отрицания и NCI. В докладе особенности дистрибуции этих единиц будут обсуждаться более подробно.

Литература

Blockland, R. Borrowability of pronouns: evidence from Uralic // Finn.-Ugr. Mitteilugen. 2011. Т. 35. – pp. 1–34.

Giannakidou, A. Negative and positive polarity items // *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science* / под ред. K. von Stechow, C. Maienborn, P. Portner: DE GRUYTER, 2011. – pp. 1660–1712.

Lohiniva, K. The syntax and semantics of additivity in Finnish // Ph.D. Dissertation. Université de Genève. 2018.

Penka, D. Negative indefinites. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. – 264 p.

Penka, D. Negative and Positive Polarity Items // *The Cambridge Handbook of Germanic Linguistics* / Ed. M. T. Putnam, B. R. Page.: Cambridge University Press, 2020. Issue. 1. – pp. 639–660.

**ХАНТЫЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СЛОВА-ВКРАПЛЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ
1870–1930 ГГ.**

Исследован корпус лексем хантыйского происхождения в рамках религиозной тематики, зафиксированных в статусе заимствований и слов-вкраплений в русских письменных источниках 1870–1930 гг. Цели анализа: 1. Выявить тематические группы и семантические особенности лексики. 2. Показать освоение на разных уровнях языка хантыйских слов в русских текстах. 3. Добавить информацию к этимологическому словарю хантыйского языка В. Штейница.

Лексика представлена в трех группах с учетом разной степени освоенности: I. Слова-вкрапления по разным темам – 25 единиц: медвежий праздник; шаманство; загробный мир; святые места; духи; бог и др. II. Оказиональные заимствования в 8 тематических группах – 13 единиц: духи; жертвоприношение; загробный мир; мифические существа; царь; святое место; идол; предмет культа. III. Заимствования – 4 единицы, например: «**Ортик**, коего почитают другом и во всем помощником **Торыма**» [Шавров, 1871: 7].

Значения заимствований показаны в контекстах из источников, даны этимологии лексем по словарю В. Штейница, перевод. В рамках доклада приведены лексем и их графические варианты по хронологии.

Исследование отражает специфику графико-фонетического освоения и передачи в русских текстах заимствований из разных хантыйских диалектов, грамматическую адаптацию, а также особенности отражения авторами внутренней формы лексем при объяснении: обобщение литературным словом, буквальный перевод, описание предметов при переводе или без него. Есть 4 фиксации, где не буквальный перевод, а контекст указывает на религиозную тематику, например: II. Тобольский Север. «Шаман ест **пангу** – сушеный мухомор, ... затем ворожит» [Дунин-Горкавич, 1904: 95].

Фиксация заимствований и в статусе слов-вкраплений позволяет установить точные этимологии, семантические поля. Например: II. Тобольск. «святые места (районы) – "**ёманы**"» [Новиков, 1928: 11]. Ср. хантыйское слово в лексеме "**емын тагат**" в значении «святое место».

Сопоставление хантыйских слов-этимонов с записями вкраплений в русских источниках показывает особенности передачи по-русски хантыйских лексем.

Доклад может быть интересен лингвистам, этнографам, историкам.

Литература

Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – Спб., 1904.

Новицкий, В. М. Туземный отдел Тобольского Государственного Музея. – Тобольск, 1928. – 13 с.

Шавров, В. Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1871. Кн. 2. V. Смесь. – С. 1–21.

Пичугина Наталия Владимировна

Научная библиотека им. А. М. Волкова

Томский государственный педагогический университет (Томск)

**КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ А. П. ДУЛЬЗОНА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Введение. Указом Президента страны 2023 год в России объявлен Годом педагога и наставника. Андрей Петрович Дульзон был, прежде всего, педагогом, который своими деятельностью и стилем жизни прививал любовь к своей Родине и родному языку. Благодаря его работе появился интерес к изучению истории малых народов России – выдающийся ученый-языковед, член-корреспондент Финно-угорского общества, доктор филологических наук, профессор ТГПИ – он был основателем самого крупного топонимического центра в нашей стране.

Цель и задачи. Познакомить студентов и гостей нашей библиотеки с биографией, научным наследием, книгами и научными публикациями профессора А. П. Дульзона.

Прослеживается языковедческая направленность коллекции: представлены издания на многих языках мира, наибольший объем книг на немецком языке. Немецкая литература многообразна, например: в нашем фонде представлены четыре монографии Матиаса Кастрена, четырехтомный Немецкий словарь братьев Гримм, изданный в Лейпциге Соломоном Хирцелем, немецкая грамматика Якоба Гримма (в 4 тт.), напечатанная в 1877 г. издателем Карлом Бертельсманном в городе Гютерсло и много других фолиантов, которые Андрей Петрович активно использовал в своей научной деятельности.

Экспонируемые издания содержат пометки, записи, закладки – следы исследовательской работы ученого. Благодаря А. П. Дульзону преподаватели и студенты могут использовать коллекцию книг в своих научных работах.

Книги редкого фонда выдаются по запросам исследователей, используются для оформления книжных и виртуальных выставок.

**ДЕРЕВЯННЫЕ КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА
АНИКИН КАМЕНЬ-1**

Курганный могильник Аникин Камень – 1 расположен в Томском районе Томской области, в 8 км выше с. Ярское, у устья рч. Шумиха (правый приток р. Томи). Раскопки южной группы могильника (19 курганов) произведены А. Д. Гаманом в 1994, 1996 гг. Материалы опубликованы [Гаман, Плетнева, 2010].

Деревянных культовых сооружений в могильнике два: один в кургане 1 расположен к СВ от погребения, другой – в отдельном «кургане» 11 (без погребений). Объект в кургане 1 сооружен на погребенной почве в виде сруба из трех венцов размером 1,8х1,7м, внутри сруба выявлено два столба. В объекте в кургане 11 стенки обставлены плахами, у южной стенки прослежены жерди, сооружение было перекрыто плахами и берестой. В объектах найдены железные предметы и керамика: в объекте кургана 1 – миниатюрный железный нож, в объекте «кургана» 11 – три скопления керамики, кресало и миниатюрный железный нож.

Подобные культовые сооружения известны в памятниках басандайской культуры: в могильнике Санаторный – 1, в кургане 19 [Росляков, 2008: 87, 90, 111], в памятниках сросткинской культуры Новосибирского Приобья: в могильнике Высокий борок, кургане 12 и в могильнике Ельцовский 1, кургане 14 [Адамов, 2000: 24–25], в памятниках Кузнецкой котловины: в могильнике Озерки 1, кургане 8 [Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко, 2012: 137], в памятниках Барабы: Сопке 2, культовые сооружения VII, X, XI и др. [Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021]. Описанные деревянные сооружения трактуются исследователями как жилище для умершего.

Литература

Адамов, А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2000. – 256 с.

Гаман, А. Д., Плетнева, Л. М. Погребения XI–XIII вв. из курганного могильника Аникин Камень 1 // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск: Дельтаплан; Северск, 2010. – С. 102–132.

Молодин, В. И., Ефремова, Н. С., Соловьев, А. И. Памятник Сопка 2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 6: Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. 143 с.

Васютин, А. С., Васютин, С. А., Онищенко С. С. Калтыщенский археологический микрорайон в конце УШ – первой половине XI вв. н. э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. – 213 с.

Росляков, С. Г. Курганный могильник Санаторный – 1 // Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 71–275.

КОММУНИКАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ТИПОВОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ДВИЖЕНИЯ В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Типовая синтаксическая структура (ТСС) движения представляет собой устойчивое синтаксическое построение с прототипическим значением движения. ТСС движения состоит из трёх элементов, соответствующих семантическим компонентам пропозиции движения: предикат (PR), обозначающий движение как действие, субъект (S) – предмет или лицо, его осуществляющее, и локализатор (LOC) – пространство, по отношению к которому оно ориентировано.

Целью нашего исследования является описание соответствий между коммуникативными значениями, характерными для ТСС движения в сургутском диалекте хантыйского языка, и средствами их выражения. В рассматриваемой выборке из фольклорных и художественных текстов основным таким средством является противопоставление двух порядков составляющих: S LOC PR (77 примеров) и LOC S PR (11 примеров). Этими вариантами соответствуют две основные ситуации употребления ТСС движения, обусловленные её прототипической семантикой.

1. Движение описывается как действие, осуществляемое субъектом, который является темой, обусловленной предшествующим контекстом. С точки зрения построения текста осуществляется перевод внимания адресата с одного пространства на другое, что формирует новые возможности, необходимые для развития сюжета (в приведённом примере – возможность набрать в болоте воду):

(1) *Панэ чи кэньар кә һөрәма йәнзиләх.*

панэ чи кэньар кә=Ø һөрәм=а йәнз=ил=әх

и этот бедный человек=NOM болото=LAT ходить=MOM=PST.SUBJ.3SG

‘Тогда бедняк на болото сходил’ [Нюгломкина, 2020: 4].

2. Движение описывается как событие, происходящее в окрестности локализатора, который является темой, обусловленной предшествующим контекстом. С точки зрения построения текста осуществляется введение нового действующего лица:

(2) <...> ай латнэ тьу тоҳийи қйнтак қө мәнэл <...>

ай латнэ тьу тоҳий=и қйнтак қө=∅ мән=эл=∅

однажды тот место=ABL человек=NOM идти=NPST=SUBJ.3SG

‘Однажды по тому месту шёл человек-ханты’ [Чепреги, 2015: 50].

Общим свойством обеих ситуаций употребления ТСС движения является то, что в них на первый план выводится не движение, а выводимое из него следствие местонахождения субъекта в окрестности локализатора. Соответственно, именно субъект и локализатор рассматриваются как наиболее коммуникативно значимые компоненты ТСС и маркируются как рема высказывания за счёт помещения в позицию перед предикатом.

Литература

Нюгломкина, П. И. Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык. – Новосибирск: Гео, 2020. – 24 с.

Чепреги, М. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник. – Тюмень: Формат, 2015. – 118 с.

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УО РАН (Сыктывкар)
НАРОДЫ СЕВЕРНОГО ПРИСАЯНЬЯ В ТИБЕТСКОМ ИСТОЧНИКЕ VIII ВЕКА

Среди рукописей, спрятанных в X в. в замурованную пещеру в Дуньхуане и вновь открытых на рубеже XX в., есть обнаруженный французским исследователем П. Пельо любопытный документ на древнетибетском языке, составленный в середине VIII в. и известный в специальной литературе как Pelliot Tibétain 1283. Это копия с отчета пяти путешественников из народа *Hor* (под которым в данном случае подразумеваются, возможно, уйгуры), специально посланных разузнать, какие есть царства и народы на севере. Данный документ неоднократно исследовался (в последний раз Ф. Вентури [Venturi, 2008]) и традиционно привлекает пристальное внимание тюркологов; так как в нем говорится о многих древнетюркских племенах. Однако некоторые упоминающиеся в нем этносы до сих пор не были идентифицированы. Среди них представляют интерес два народа, локализующихся, судя по описанию, в северном Присаянье – между Прибайкальем, где живут неназванные монгольские племена (монгольская принадлежность которых подчеркивается в источнике сопоставлением с *A-zha*, т.е. туюхуньцами на Кукуноре) и страной енисейских киргизов (в источнике – светлоглазые и рыжеволосые *Hir-tis*, *Gir-tis*). Западнее живет горное племя *Gud*. Они имеют оленей, на которых перевозят свои соломенные жилища. Зимой и летом носят кожаные одежды, которые красят в черный цвет, натирая углем. Они поставляют для *Hor* шкуры диких зверей. Можно предположить, что *Gud* были енисейским народом; их этноним может быть сопоставлен с более поздними названиями енисейских народов *кеты*, *котты*. В местах, где могли обитать *Gud*, до сих пор сохраняется енисейская топонимика. Сложнее обстоит дело с семью племенами *Ye-dre*, которые живут восточнее. Источник указывает, что у них нет царя и они постоянно воюют с *Hor*. *Ye-dre* живут в «палатках», крытых березовой корой (очевидно, чумах). Их местообитание – «долина», которая характеризуется как «сильная» (видимо, защищенная от набегов врагов). По мнению Дж. Клосона, *Ye-dre* определенно не тюрки, но могут быть финно-угорским или тунгусским этносом [Clauson, 1957: 22]. Против финно-угорской гипотезы их слишком восточное положение, но за нее то, что название *Ye-dre* может представлять собой тибетскую фонетическую адаптацию этнонима, позднее заимствованного в русский язык как *югра* (через коми *йӧгра*).

Литература

Clauson, G. À. propos du Manuscrit Pelliot Tibétain 1283 // *Journal Asiatique*. – 1957. № 1. – pp. 11–24.

Venturi, F. An Old Tibetan document on the Uighurs: A new translation and interpretation // *Journal of Asian History*. – 2008. № 1. – pp. 1–35.

«ЗВЁЗДЫ – ЭТО КОРНИ»: О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛЕДАХ ОДНОГО ДРЕВНЕГО МОТИВА В ЧУЛЫМСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В ходе наших экспедиций 2018–2021 гг. зафиксирован среднечулымский термин *чылтыс* ‘корень (дерева)’. Он омонимичен термину со значением ‘звезда’. Аналогичный термин фиксируется А. П. Дульзоном (1948): *жылдыз* ‘звезда’, *агац жылдызы* ‘корень (дерева)’.

Согласно данным А. В. Дыбо («Этимологический словарь тюркских языков»), они восходят к двум пратюркским корням. *Чылтыс* в знач. ‘звезда’ – общетюркское; от ПТ **jul-diř*. *Чылтыс* в знач. ‘корень’ – более редкое; восходит к бытовавшему в восточной части ПОТ **jildiř*; через него – к ПЗА **zjüldu* ‘корчевать’. Отметим, что омонимия этих терминов наблюдается в чулымском, шорском и кызыльском; в остальных они, при схожем звучании, различны (як. *сулус* ‘звезда’, *силис* ‘корень’).

Существует интересное этнолингвистическое сближение, могущее, возможно, предложить объяснение причин подобной омонимии. В указателе фольклорно-мифологических мотивов Ю. Е. Берёзкина фигурирует мотив I71 – «Звёзды – корни»: звёзды как корни небесных растений; как отверстия, сделанные деревьями «верхнего мира». Интересно распространение мотива: он фиксируется в т. ч. в Сибири и на Дальнем Востоке – у хантов, селькупов, кетов; на дальнем Востоке – негидальцев, орочей.

Тюркские культуры юго-запада Сибири во многом наследовали субстратному дотюркскому (енисейскому, самодийскому) населению таёжного и лесостепного Томско-Чулымского Приобья. В связи с этим хочется обратить внимание на три примечательных факта:

а) ПТ термин **jildiř* бытовал в Обь-Енисейском междуречье – зоне тюрко-енисейского / самодийского контакта;

б) второй ареал мотива I71 – Приамурье; там фиксируются когнаты **zjüldu*;

в) омонимия терминов со «корень» и «звезда» типична лишь для трех тюркских языков – чулымского, шорского и кызыльского; именно для них характерны максимальная роль дотюркского субстрата; максимальная степень контактов с нетюркскими соседями (селькупы, эвенки, енисейцы); поздняя датировка тюркизации.

Таким образом, возможны три объяснения сближения терминов типа **jildir* и типа **jul-dir*:

а) сближение ПТ **jildir* с ОТ **jul-dir* на территории Минусинской котловины под влиянием заимствованных из уральско-енисейского ареала представлений типа I71;

б) заимствование мотива I71 не на пратюркском, но ещё на праалтайском этапе; сохранение мотива в приамурском ареале – и сохранение памяти об этом в виде омонимии терминов «звезда» и «корень» в сибирско-тюркских языках;

в) развитие омонимии «корень» / «звезда» в чулымском, шорском и кызыльском языках под влиянием енисейско-самодийского субстрата.

Литература

ГАТО Ф. Р-1763 Оп. 1 Д. 39 Записки по чулымо-тюркскому языку деревни Тургай. Черновики.

ГАТО Ф.Р-1763 Оп. 1 Д. 41 Материалы по изучению языка аборигенов деревни Тургай Часть 1. Черновые записи.

ГАТО Ф.Р-1763 Оп. 1 Д. 42 Материалы по изучению языка аборигенов деревни Тургай Часть 2. Черновые записи.

Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков / Составитель Дыбо А. В. – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 616 с.

Берёзкин, Ю. Е., Дувакин, Е. Н. I71. Звезды – корни // Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 01.09.2023).

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ В НЕНЕЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Тема жизни и смерти в фольклоре любого народа является одной из центральных. Совершив читательское путешествие (прочитано 44 текста), обнаружили следующие *сюжетные мотивы*: образы смерти, сон как смерть, ложная смерть, жизнь в мире мертвых, возвращение на землю и жизнь среди живых, причины смерти, способы смерти, оружия и орудия казни, смерти; смерть как радостное событие, смерть как повышение статуса персонажа, обретение силы через смерть, живая и мертвая вода, наказания за смерть, этикет при смертельном бое, одежда, в которой собираются умереть; время, проведенное среди мертвых, время достижения цели во имя сохранения жизни, время на Земле и в других пространствах; запах человека как маркер его жизненности в мире смертоносных существ; смертоносные противники положительного персонажа, которых он не может одолеть без посторонней помощи или совета; слова и выражения, описывающие страх и смерть.

Во многих произведениях преодолевается смерть. Здесь обнаруживаются такие сюжеты: способы омоложения (живая вода), способы оживления, способы спасения, способы лечения, средства лечения, отношение к страдающему, гибнущему.

Образы смерти могут быть самые разнообразные.

Способы сохранения жизни.

1. мольба / молитва;
2. сложение вместе частей тела, разглаживание их и их застание в единое целое;
3. вливание словом жизненной энергии;
4. облизывание;
5. сжигание оскверненной одежды, надевание новой;
6. прохождение через кровь жертвенных животных;
7. отпаивание свежей оленьей кровью;
8. качание;
9. покрытие кровью, жалость к умирающему (умершему), надавливание рукой;
10. покрытие кровью, жалость, наступление ногой на умершего;
11. кормление легкой пищей;
12. жертвование оленей;
13. имение особенных способностей;

14. возвращение глаза;
15. бросание монеты в воду;
16. исполнение песни.

В реальной жизни ненцев они все практически существуют и в настоящее время.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ, СКРЫТОЕ ЗА ПОНЯТИЕМ «ИДТИ» (НА МАТЕРИАЛЕ УДЭГЕЙСКОГО ЯЗЫКА)

Удэгейский язык обладает несколькими способами выражения значения «идти». Во-первых, оно обозначается лексически – существует несколько глаголов хождения (хули- ‘ходить’, эмэ- ‘приходить’, нэнэ- ‘идти’ и другие):

- (1) *Жаңдалафу-ла эмээнэ.*

Жаңдалафу-Ø=ла

эмэ-э-не

Дзангдалафу-NOM=LIM (*Pers.Name*) **приходить-PAST-3SG**

‘Дзангдалафу-то пришёл’ [Кормушин, 1998: 104].

Форма на *-кта/-ктэ/-кто* обозначает производство действия в разных местах либо выполнение действия несколькими субъектами. И. В. Кормушин называет ее «формой многократности» [Кормушин, 1998: 93]:

- (2) *Э-э, аҗигаҗига йэухи нэнэктээти бийни, йэухи нэнэктээти.*

э-э аҗига-җига-Ø

йэухи нэнэктэ-э-ти

INTJ девушка-COLL-NOM куда **идти.многим-PRP-POSS/3PL**

бу-й-

ни

йэухи

нэнэктэ-э-ти

быть-PRP-POSS/3SG куда **идти.многим-PRP-POSS/3PL**

‘Э-э, девушки куда ушли, куда подевались’ [Кормушин, 1998: 104].

Во-вторых, семантика «идти за чем-либо» последовательно выражается суффиксом *-на-* (или его аллофонами *-нна/-ннэ/-нно*), присоединяемым к смысловой глагольной основе. Данную форму И. В. Кормушин называет «формой целедвижения» [Кормушин, 1998: 92]:

- (3) *Галактанаан’. Галактанаан’, цо имэхи маэва гаҗеани.*

галакта-на-а-н’

галакта-на-а-н’

цо

имэхи

искать-идти-PAST-3SG

искать-идти-PAST-3SG

самый новый

маэва-ва гаҗе-а-ни.

сердце-ACC **взять-PAST-3SG**

‘Пошла она искать. Пошла искать – самое новое сердце взяла она’ [Кормушин, 1998: 106].

Кроме глаголов со значением «идти» в удэгейском языке имеются также отглагольные именные формы (связанные имена существительные) со значением цели или условия, образованные от данных глаголов. Например:

- (4) *Жоло какта какта гэктивэнэми, нй-дэ айанжи хулилэгэти.*

<i>жоло</i>	<i>какта какта гэктивэнэ-ми</i>	камень
друг.к.другу	примораживать.PRES-1SG	
<i>нй=дэ</i>	<i>айанжи</i>	<i>хули-лэгэ-ти</i>
человек=CONN	хорошо	ходить-NPURP-POSS/3PL

‘Камни один к другому примораживаю я, чтобы люди хорошо ходили’
[Кормушин, 1998: 124].

Сема «идти» также присутствует в глаголах, описывающих атмосферные явления. Хождение при этом переосмысливается метафорически:

- (5) *Туэгиэни. Иманаани.*

<i>туэги-э-ни</i>	<i>имана-а-ни</i>
наступить.зиму-PAST-3SG	идти.снегу-PAST-3SG

‘Наступила зима. Пошёл снег.’ (Букв. глосса *иманаани* → *има-на-а-ни* [снег-идти-PAST-3SG]) [Kanchuga, 2002: 15].

Литература

Кормушин, И. В. Удыхейский (удэгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука. 1998. – 320 с.

Kanchuga, A. An Udehe Autobiographical Text with a Russian Translation by Aleksandr Kanchuga. Edited with a Japanese Translation by T. Tsumagari // Publications on Tungus Languages and Cultures 17. – Nakanishi Printing Co, Ltd. 2002.

Селютина Ираида Яковлевна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

Уртегешев Николай Сергеевич

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

Добринина Альбина Альбертовна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

Рыжикова Татьяна Раисовна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЯЗЫКЕ И ЭПОСЕ ЮЖНОСИБИРСКИХ ТЮРОК: УНИВЕРСАЛЬНОЕ В СПЕЦИФИЧНОМ

Цель исследования – выявление специфики фонетических преобразований в процессе синтеза глагольных аналитических конструкций (ГАК) в южносибирских тюркских языках в сопоставлении с языком фольклора, определение уникальности этих трансформаций как компоненте культурного кода, роли артикуляционно-акустической базы (ААБ) в формировании социокультурной специфики этноса.

ААБ как система произносительных навыков и их акустических коррелятов, свойственная этносу и через этнос – языку [Наделяев, 1986: 5], не являлась ранее предметом непосредственного анализа в исследованиях лингвистических универсалий.

Сетка фонико-фонологических оппозиций, сформулированных в разрабатываемой сибирскими фонетистами теории ААБ, рассматривается нами как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных ААБах, каждая из которых характеризуется уникальным пучком корреляций и модусов и является маркером культурно-языковой идентичности.

Одним из базовых показателей при определении типологической специфики языка выступают правила фонотактики. Позиционно обусловленные фонетические изменения звуковых оболочек глагольных аналитических конструкций, составляющие предмет нашего исследования и являющиеся своеобразными маркерами степени синтеза конструкций, исследовались на инструментальных данных по трем южносибирским тюркским языкам – шорскому, чалканскому и тувинскому и звучащим текстам героического эпоса шорцев, хакасов и тувинцев.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют об общности преобразований в алтае-саянских языках. В основе инновационных модификаций

звукового облика ГАК лежат процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, устранения межсловных пауз с последующим слиянием компонентов ГАК в единое фонетическое слово, преобразования внешнего сандхи во внутреннее, реализации ассимилятивных закономерностей, порождаемых сформировавшимся в результате стяжения фонетическим контекстом.

На современном этапе развития языков фиксируются различные стадии процесса синтеза ГАК – от полной утраты прозрачности структуры словосочетания в результате стяжения в языке чалканцев до более ранних этапов их упрощения по пути потери лексическими компонентами самостоятельности в тувинском языке через промежуточную стадию в языке шорцев.

На следующем этапе исследования язык художественной литературы сопоставлялся с языком фольклорных произведений. Статистический подсчет абсолютной и относительной частотности ГАК в текстах художественной прозы, с одной стороны, и в эпических сказаниях, с другой, свидетельствует о значительно более высокой встречаемости ГАК в фольклоре по сравнению с литературой: в шорском в 3,8 раза, в тувинском – в 3,87 раза.

Сопоставительный анализ текстов шорских и тувинских героических сказаний по параметрам реализации доминантного фонетического признака – речевой паузации, маркирующей процессы синтеза ГАК, показал, что и в шорском, и в тувинском эпосе во всех аналитических конструкциях делимитативная словесная пауза между глагольными компонентами словосочетания полностью утрачена, констатируются различные этапы стяжения глаголов. В обеих фольклорных культурах ГАК реализуются лишь с межслоговыми паузами – сильными или умеренными, генетически восходящими к внешним межсловным.

Специфика тувинских тривербальных конструкций, соответствующих шорским бивербальным, заключается не только в их более сложной лексико-грамматической структуре, но и в большей устойчивости – по сравнению с шорским фольклором – паузальности как маркера степени аналитизма. Если в шорском эпосе сильная межслоговая пауза разделяет основной и вспомогательные глаголы АК в 70,6% выборки, то в тувинском – в 96,2% выборки, то есть фактически на всем массиве предложений с ГАК; сильная межслоговая пауза как рефлекс межсловной значительно сохраннее у тувинцев. Деепричастный аффикс *-(ы)п* как один из доминантных показателей степени синтеза ГАК в тувинской и шорской вербальных культурах демонстрирует тенденцию к выпадению, имеющую свою специфику в каждой из них.

Таким образом, результаты сопоставительного исследования фонетических трансформаций глагольных аналитических конструкций в двух репрезентациях алтае-саянских тюркских вербальных культур – в языках и фольклоре – свидетельствуют о типологической общности структурных преобразований, детерминированной заложенным в генетической памяти этносов единым региональным архетипом. Однако в эпосе скорость фонетических модификаций замедляется вследствие сохранения языковой архаики, стереотипности, традиционности, формульности, обусловленных сакральностью эпической традиции [Кузьмина, 2019: 18].

Литература

Кузьмина, Е. Н. Отражение архетипических моделей в «*loci communes*» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. – 2019. № 2. – С. 18–26.

Наделяев, В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. – Новосибирск, 1986. – С. 3–15.

Кожевникова Элина Константиновна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва)

Мордашова Дарья Дмитриевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва),

Институт языкознания РАН (Москва)

Синицына Юлия Вячеславовна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ПРИТВОРСТВА В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА ¹²

В докладе речь пойдет о способах выражения значения ‘притворяться, делать вид’ в татышлинском говоре удмуртского языка (пермские < финно-угорские). Данное поле пока довольно слабо исследовано типологически: в [Jacques, 2023] проведено первичное исследование конструкций с подобной семантикой и основных способов их образования на выборке из 47 языков различных семей (уральские языки при этом не рассматриваются); ср. также более раннее сопоставительное исследование «предикатов притворства» в нахско-дагестанских языках [Майсак, 2021] и отдельные упоминания «симулятивных конструкций» в [Treis, Vanhove, 2017].

Конструкции со значением притворного, или фиктивного, действия были описаны для литературного удмуртского языка в [Алатырев, 1959] (см. также сопоставление с немецким материалом в [Аухадиева, Булычева, 2022]). В татышлинском говоре зафиксировано несколько стратегий кодирования значения притворства: синтетическая, с помощью суффикса *-mn'as'k* (1), и несколько аналитических: с помощью глаголов *karis'kânâ* ‘делать-DETR-INF’ и *liñnâ* ‘быть, становиться’. Глагол *karis'kânâ* может формировать конструкцию с семантикой притворства при наличии зависимой номинализации на *-em* (2) или финитной клаузы, вводимой эквативным маркером *kad'* ‘как’ (3). Глагол *liñnâ* может развивать значение притворства в составе депиктивной конструкции (4) (ср. также (5), где значения притворства не возникает).

¹² Исследование поддержано грантом РНФ №22-18-00285 “Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование”.

- (1) *mon uža-mn'as'k-is'ko-Ø.*
я работать-FICT-PRS-1SG
'Я делаю вид, что работаю'.
- (2) *n'ulessk-ân gondâr-ez adž'â-sa, kol'a kul-em*
лес-IN медведь-ACC видеть-CVB Коля умирать-NMLZ
kar-is'k-i-z.
делать-DETR-PST-3SG
'Увидев в лесу медведя, Коля притворился мертвым'.
- (3) *ti žad'-il'l'a-m-dâ kad' kar-is'k-i-dâ.*
вы устать-2/3PL-PST2-2PL как делать-DETR-PST-2PL
'Вы сделали вид, что устали'.
- (4) *rustam ol'a-jez škol'n'ik lû-sa pumita-Ø-z.*
Рустам Оля-ACC школьник становится-CVB встретить-PST-3SG
'Рустам притворился школьником и встретил Олю'.
* 'Рустам встретил Олю школьником'.
- (5) *anaj škola-jez otl'ič'n'ik lû-sa bâdt-i-z.*
мать школа-ACC отличник становится-CVB закончить-PST-3SG
'Мама школу отличницей закончила'.

В докладе будут более подробно рассмотрены семантические и морфосинтаксические свойства упомянутых конструкций (например, развитие периферийных значений попытки или некачественно выполняемого действия у формы на *-mn'as'k*). Кроме того, будет показано, какие из выявленных свойств типологически ожидаемы, а какие значимо дополняют существующие исследования.

Литература

- Алатырев, В. И. Глаголы притворного действия в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей. Т. 1. – Ижевск, 1959. – С. 73–139.
- Аухадиева, Ф. С., Булычева, Е. А. Репрезентация модальности фиктивного действия в разноструктурных языках // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2022. №2. – С. 238–247.
- Майсак, Т. А. «Грамматика притворства»: к внутригенетической микротипологии одной конструкции в нахско-дагестанских языках // Дурхъаси хазна.

Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова / Ред. Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. – М.: Буки Веди, 2021. – С. 220–257.

Jacques G. Simulative derivations in crosslinguistic perspective and their diachronic sources // *Studies in Language*. – 2023. №45(1).

Treis, Y., Vanhove, M. Similative and equative constructions. A cross-linguistic perspective. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017.

**ПИСЬМЕННОСТЬ ЯЗЫКА НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ СИБИРИ: К
ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Среди малых германоязычных сообществ на территории России выделяются представители особой «этноконфессиональной общности», которая берет свое начало в 16 в. в Нидерландах, ее название происходит от имени первого и известнейшего своего учителя Менно Симонса. Община подвергалась многочисленным гонениям, и поскольку в основу ее вероисповедания лег принцип пацифизма, немцы-меннониты постоянно мигрировали: нашли убежище сначала в Западной Пруссии, затем переместились в Украину. Позже началось освоение меннонитами России, – самые крупные территории заселения пришлось на Урал и Сибирь, а в послевоенные годы около двенадцати тысяч немцев-меннонитов мигрировали в Канаду и Южную Америку. Общины меннонитов по всему миру объединяет использование языка *Plautdietsch* (плотдич). Письменность и устная традиция языка вариативна.

Plautdietsch обычно не имеет стандартизированной письменности, он передается в устной форме жителями общины, их коммуникация основывается на устных традициях. Тем не менее, в определенных случаях, письменная форма *Plautdietsch* была разработана и использована. Например, в Канаде письменная традиция на латинице вырабатывается с начала 20 в., некоторые исследователи (А. Дюк) даже создавали словари на языке *Plautdietsch*. В Германии письменная традиция значительно моложе, по данным журнала «*Plautdietsch-Frind*», точкой отсчета является 2003 г. В Сибири язык полностью бесписьменный. Учеными были предложены способы записи этого языка латиницей (И. А. Канакин, носитель языка), однако они не были приняты сообществом.

При анализе образцов фольклора на языке *Plautdietsch* в Сибири, нам встретилось два метода фиксации: латиницей и с помощью фонетической транскрипции. Оба этих метода предполагают использование букв и фонетических символов литературного немецкого языка. Фонетическая транскрипция наиболее полно отражает устную речь на письме, однако он доступен только специалистам, а несоответствие между предлагаемыми формами и языковой практикой вызывает непризнание и нежелание использовать предложенную письменность. В нашем докладе будут представлены разные образцы записи языка *Plautdietsch*, они будут сопоставлены

друг с другом, а также с литературной нормой немецкого языка. Мы попытаемся предположить, какой из видов фиксации наиболее актуален для Сибири.

Литература

Велицын, А. А. Немцы В России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893. – С. 60–76.

Глушаев, А., Ключева, В. «Новые» меннониты Урала и Сибири: генезис и трансформация этноконфессиональных сообществ в 1940–1960-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2014. №. 4 (32). – С. 295–313.

Жирмунский, В. М. Немецкая диалектология. М., 1956. – 636 с.

Либерт, Е. А. К вопросу о своеобразии языка сибирских меннонитов // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2015. №. 2. – С. 89–96.

Либерт, Е. А. Язык меннонитов Западной Сибири: к материалам очередной экспедиции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016. Т. 14. №. 1. – С. 39–41.

Малиновский, Л. В. Немцы в России и на Алтае. Популярно-исторические очерки. Барнаул, 1995. – 182 с.

Brandt, C. Sprache und Sprachgebrauch der Mennoniten in Mexiko // Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1992. – S. 211–213.

Kanakin, I., Wall, M. Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994. – 58 S.

Nieuweboer, R. The Altai dialect of Plautdiitsch: West-Siberian Mennonite Low German. Lincom Europa, 1999. – 380 S.

Siemens, H. Plautdietsch: Grammatik, Geschichte, Perspektiven. Tweekack, 2012. – 268 S.

Thiessen, J. Plautdietsch Wedabok. Bonn, 2019. – 888 S.

**СТРАТЕГИИ ЗАГОТОВКИ И МЕТОДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРОВ У
СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ**

В докладе рассматриваются стратегии заготовки и методы использования дров, выработанные коренным малочисленным народом Арктики – северными селькупам в процессе адаптации к местным природно-климатическим условиям и социально-экономическим и техническим изменениям, которые приносило в их жизнь время. Традиционная система жизнеобеспечения селькупов не предполагала заготовки больших объемов дров ни в один из сезонов, дрова запасались на непродолжительный период использования. Селькупские промысловые стоянки устраивались в тех местах, где имелись дрова. Среднетазовские селькупы, проживающие в лесотундре, в отличие от своих верхнетазовских сородичей, населяющих зону тайги, нередко испытывали дефицит качественного топлива и тратили больше сил на добычу дров. Стратегия регулярного пополнения небольшого топливного запаса, получаемого поблизости от жилища, по сей день применяется многими селькупам, ведущими традиционное хозяйство. Однако у селькупов, проживающих теперь в поселках, и у небольшой части хозяев лесных угодий стратегии заготовки дров изменились. У русских был перенят принцип создания большого зимнего дровяного резерва, заготовка которого происходит только в теплый период года. В процессе заготовки топлива у селькупов возникают новые отношения с государством, помогающим им в лице организаций социальной направленности. Крупные перемены для всех селькупов произошли в технической части топливно-заготовительных стратегий: в быт вошли бензопилы, которыми теперь производится заготовка дров, и снегоходы, мотоциклы, моторные лодки, грузовые автомобили, каракаты, на которых он доставляется. Наряду с заводской техникой у селькупов активно применяются самодельные санки и тележки «на ручной тяге» для подвоза дров на маленькие расстояния. Основными селькупскими устройствами, в которых происходит сжигание дров, остаются костер, дымокур и вставшая в традиционный ряд позже печка-буржуйка. Дрова у селькупов служат не только для обогрева жилища и приготовления пищи, они участвуют во множестве хозяйственных операций, в каждой из которых применяется своя технология и свой режим горения топлива.

ЯКУТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТВЛЕЧЕННЫЕ ПОНЯТИЯ

Введение. Проблема генетического родства алтайских языков, проблема взаимосвязей, проблема языковых контактов и взаимных заимствований между отдельными группами алтайских языков, объединяемых в алтайскую семью, объективно существует и является особо актуальной. Особенно важен этот вопрос применительно к языкам, находящимся под угрозой исчезновения, в том числе и эвенкийскому, ведь он относится к таким языкам, для носителей которых характерно дву- и многоязычие. Для подобных языков нужно не упустить время в целях сохранения, так как число говорящих на данных языках постоянно уменьшается. И в том случае, когда этот процесс нельзя остановить, необходимо зафиксировать то, что еще поддается документации и фиксации.

Сложная проблема языковых контактов и их последствий представляет собой большой интерес, где социальные, экстралингвистические факторы являются в значительной мере обуславливающими особенности проявления аспектов проблемы. Сама история развития эвенкийского языка является проблемой социолингвистической и не может абстрагироваться от культурно-исторического контекста.

Цель и задачи исследования. Целью данного исследования является описание якутских лексических заимствований в учурском говоре эвенкийского языка. Ранее лексика данного говора была описана А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой [1964: 58–63].

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи: 1) выделение группы заимствованных эвенкийских слов в учурском говоре эвенкийского языка, составляющих большое количество диалектных слов говора; 2) описание особенностей функционирования якутских заимствований в говоре эвенкийского языка в зависимости от социолингвистических факторов.

Результаты исследования. По своему лексическому составу восточные говоры эвенкийского языка значительно отличаются от других говоров, это вызвано влиянием якутского языка. Якутский, ставший вторым разговорным языком эвенков Якутии, ощутимо пополнил словарный состав, так, И.Н. Новгородов отмечает, что в говорах восточного наречия присутствует более 600 якутизмов [Новгородов, 1991: 15].

Заимствованные якутизмы наблюдаются в тех областях, где необходимы необходимые для выражения понятий и названия предметов, употребляемых в специфических условиях Севера. Так, мы отметим некоторые якутизмы, зарегистрированные в наших полевых записях, выражающих отвлеченные понятия. Примеры: кэм (як. кэм) 'время, пора, срок', уста (як. уста) 'длина, расстояние, протяжение' (предмета, времени), ён (як. иэн) 'ширина полотнища', 'ширь', ма́ны (як. мааны) 'нарядный, почетный' и др.

Выводы. Как видим, в значительно большем количестве якутизмы встречаются в говорах эвенков Якутии. И подавляющее их большинство **вошедших в** активный словарный фонд восточных говоров **эвенкийского языка** сохраняет первоначальное значение.

Литература

Романова, А. В., Мыреева, А. Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. Изд-во Наука. – М.: Л. 1964. – С. 58–63.

Романова, А. В., Мыреева, А. Н., Барашков, П. П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языка. Изд-во Наука. – Л.: 1975. – С. 111–113.

Новгородов, И. Н. Якутизмы в говорах восточного наречия эвенкийского языка: автореф. дис. ... к. филол. н. – Л.: 1991. – 15 с.

Тимкин Тимофей Владимирович

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

Федина Наталья Никитовна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

**ЦЕЛЕВЫЕ СОГЛАСНЫЕ, ПЕРЕДАВАЕМЫЕ ГРАФЕМОЙ Ж, В
ЧАЛКАНСКОМ ЯЗЫКЕ ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
ФОНЕТИКИ ¹³**

Чалканский язык характеризуется отсутствием установленной орфографической нормы; в самозаписях носителей языка встречается широкая вариативность написания. Одной из проблем нормализации чалканской графики является вариативность употребления букв *ш*, *щ*, *ж* для передачи передненебного щелевого согласного. Для чалканского языка выделяются фонемы */ʃ/*, */ʒ/*, представленные палатализованным и веляризованным оттенками [Кирсанова, 2003]. На письме для обозначения веляризованного *[ʒ]* используется графема *ж*, тогда как для обозначения палатализованного *[ʃ]* носители используют либо *ж*, либо *щ*.

На основе рукописного словаря В. Я. Сумачаковой был отобран ряд слов, в которых дикторы произносят *[ʒ]*: *кежү* ‘брод’, *цыпкежсек* ‘цыпленок’, *өнӧжӧк* ‘сова’, *қамжы* ‘плетка’; также были отобраны слова, в которых произносится *[ʃ]* при графической вариативности *щ / ж*, например *ащот / ажот* ‘черемша’.

Для проверки качества звука на месте исследуемой графемы отобранные слова были записаны в троекратном произнесении четырьмя дикторами. Аудиозаписи были аннотированы в программе Praat [Boersma, Weenink, 2023], далее загружены в фонетическую корпусную систему Emu-SDMS [Winkelmann, Harrington, Jänsch, 2017] для акустического анализа и статистической обработки. Оценка звонкости согласного производилась следующим образом: при помощи инструментов Emu-SDMS определялся контур частоты основного тона и выявлялись участки, на которых основной тон не определяется. Далее мы определили отношение длительности озвонченных участков к полной длительности звука. По данным анализа, как реализации *[ʒ]*, так и реализации *[ʃ]* могут характеризоваться наличием основного тона в начальной и конечной фазе произнесения при отсутствии тона в середине

¹³ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00863) «Вариативность графики на бесписьменных языках и проблема передачи языка в его письменной форме (на примере чалканского и алютторского языков)» (рук. Н. Н. Федина).

артикуляции. Однако для реализаций [ʒʲ] количественное отношение озвонченных и неозвонченных фаз выше: разброс 20–100 % для [ʒʲ], 0–20 % для [ʃʲ].

Таким образом, экспериментально-акустический метод подтверждает, что в лексемах с графической вариативностью *ц* / *ж* представлено два звука: звонкий и глухой. Одной из причин вариативности, помимо акустической близости звуков, является влияние русской графики, где буква *ж* не передает мягкий согласный. Для решения этой проблемы мы предлагаем при нормализации чалканской графики обозначать звук [ʒʲ] графемой *жс*, чтобы избежать смешения *ц* и *ж*.

Литература

Кирсанова, Н. А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). – Новосибирск, 2003. – 149 с.

Boersma, P., Weenink, D. Praat: doing phonetics by computer [Компьютерная программа]. – Version 6.3.13, URL <http://www.praat.org/> (дата обращения: 31.07.2023).

Winkelmann, R., Harrington J., Jänsch, K. EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R // Computer Speech & Language. – Vol. 45, 2017. – С. 392–410.

В докладе представлены материалы, полученные в ходе полевых исследований в рамках проекта РНФ «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект». С 29 июля по 14 августа 2022 г. я с Анной Владимировной Мазарчук из ИЛИ РАН была в экспедиции в Окинском районе Республики Бурятия, в населенных пунктах Орлик и Сорок, где встречались с сойотами и окинскими бурятами. К сожалению, что очень печально, сойоты не говорят на своем языке. Правда, в Сорокской школе-интернате со 2 класса введено преподавание сойотского языка (1 час в неделю факультативно) по учебникам В. И. Рассадина, но преподавание ведется через бурятский язык.

Итак, в рамках проекта нам удалось записать скотоводческую лексику в бурятском языке. Цель нашего доклада – исследование лексемы «овца» в монгольских языках с привлечением параллелей из тюркских языков.

В современных монгольских языках представлены следующие термины для лексемы «овца»: х.-монг. *хонь* [БАМРС 4, 2002: 107], бур. *хонин* [БРС, 2008: 442], калм. *хөн* [КРС, 1977: 603]; х.-монг. *эм хонь* [БАМРС 4, 2002: 107], бур. *эхэ хонин* [БРС, 2008: 442], калм. *нээдр хөн ~ хурһлдг хөн* «овцематка» [РКС, 381]; х.-монг. *эр хонь* «кастрированный баран, валух» [БАМРС 4, 2002: 107], бур. *эрье* «II валух, кастрированный баран» [БРС, 2008: 675], калм. *ург id.* [КРС, 1977: 272], х.-монг. *хуц* «1) баран-производитель» [БАМРС 4, 2002: 107], бур. *хуса id.* [БРС, 2008: 471], калм. *хуц id.* [КРС, 1977: 616]; х.-монг. *хурга(н)* «1. ягненок; барашек» [БАМРС 4, 2002: 170], бур. *хурьган id.* [БРС, 2008: 470], калм. *хурһн* «II 1. ягненок» [КРС, 1977: 611]; х.-монг. *хэнз хурга* ягненок, родившийся поздно летом или осенью [БАМРС 4, 2002: 170], бур. *хэнзэ хурьган* «ягненок, родившийся поздно летом (или осенью); ягнята-поздныши, ягненок-листопад» [БРС, 2008: 471], калм. *кенз хурһн* «ягненок, родившийся поздно

¹⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

летом или осенью, ягненок-листопад» [КРС, 1977: 611]; х.-монг. *төлөг* «ягненок годовалый» [БАМРС 3, 2001: 242], бур. *тулгэ хонин* «двухлетка» [БРС, 2008: 442].

Все эти термины имеют общемонгольский характер, которые находят параллели в тюркских языках. Так, например, др.-тюрк. *qoj* «овца»; *qoç* «баран-производитель».

О совпадении монгольских и тюркских терминов для лексемы «овца» писал А.М. Щербак: «Заимствование тюркских обозначений овцы монголами относится к предорхонскому периоду, так как в монгольских параллелях представлен ротацизм и выступает *н* (< общетюрк. **ĩ*, изменившийся впоследствии в *j* и *н*)» [Щербак, 1961: 117].

Литература

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 3. (БАМРС 3) – М.: Academia, 2001. – 440 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 4. (БАМРС 4) – М.: Academia, 2002. – 532 с.

Шагдаров, Л. Д., Черемисов, К. М. Бурятско-русский словарь (БРС). Том II. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. – 708 с.

Калмыцко-русский словарь (КРС) / Под редакцией Б. Д. Муниева. – М.: Изд-во «Русский язык». 1977. – 764 с.

Щербак, А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С. 82–172.

Озонова Айяна Алексеевна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

Тюнтешева Елена Валерьевна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

Кошкарева Наталья Борисовна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

Тазранова Алена Робертовна

Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОДНОЙ ЗЕМЛЕ В ЯЗЫКАХ СИБИРИ

В докладе будут представлены результаты исследования концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в языках народов Сибири – тюркских и угорских (хантыйского). В отличие от русского языка, где двудерный концепт *РОДИНА* объединяет представления о большой и малой родине, в языках коренных народов Сибири можно говорить о сложившемся концепте *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ*, тогда как концепт *РОДИНА*, подразумевающий страну, формируется под влиянием русской языковой культуры. Понятия *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* и *РОДИНА* разграничиваются и на лексическом уровне: для каждого из них используются разные лексические средства.

В языках Сибири основные репрезентанты концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* – слова с общим значением ‘земля’, подчеркивающие связь с тем физическим пространством, в котором обитает человек, его семья, род. Объединяют сибирские языки такие маркеры родной земли, как земля и вода. При этом в каждой лингвокультуре выделяются и свои особые, значимые объекты, признаки родной земли. У алтайцев это горы, кедры, лечебные источники, можжевельник; у якутов – теплое дыхание родной земли, удобное для жизни, подходящее для покосных угодий место; у хантов – вода, леса, ягель и др.

На принадлежность родной земли определенному лицу или коллективу указывают грамматические формы, в которых репрезентанты данного концепта выступают в текстах: они обязательно оформляются лично-притяжательными показателями.

Во всех рассматриваемых языках отмечается персонификация образа родины: частотными являются сочетания репрезентантов концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* с разнообразными соматизмами, уникальными для разных языков.

Жизненное пространство человека в языках Сибири предстает не только как территория, хозяйственно освоенная человеком. Это место проживания семьи, родоплеменной группы, земля, с которой человек связан духовно и эмоционально.

Литература

Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков / Е. В. Тюнтешева, А. В. Байыр-оол, А. А. Озонова, О. Ю. Шагудрова, А. Р. Тазранова, Н. Н. Федина, Н. Б. Кошкарёва, И. А. Невская, И. В. Шенцова, В. А. Горбунова, Я. В. Стручкова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – Новосибирск: Академиздат, 2021. – 300 с.

Омский государственный технический университет (Омск)

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТАХ С КОМИ
НАСЕЛЕНИЕМ ЮГА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

В Омской области населённые пункты с коми населением существуют на севере области в Тарском районе (с. Имшегал, с. Нагорное, д. Ивановка) [Ермакова, 2013] и на юге области в Калачинском, Оконешниковском и Горьковском районах [Ермакова, 2013]. В настоящее время существуют работы, в которых представлены этнографические и культурологические данные о коми Омской области [Ермакова, 2013; Лискевич, 2012; Лискевич, 2016], но работ, посвящённых вариантам коми языка, которые существуют на территории Омской области, пока нет. Однако существуют работы, посвящённые вариантам коми языка, распространённым в северных регионах Сибири [Суббота, 2008].

Летом 2022 года были совершены разведывательные экспедиции в населённые пункты юга Омской области, в которых живут коми. Экспедиции были совершены в следующие населённые пункты: д. Николаевка и с. Золотая Нива Оконешниковского района, д. Кибер-Спасское Калачинского района, д. Кирсаново и с. Спасское Горьковского района. Во время опроса использовались 100 и 200-словные списки Сводеша с контекстами от команды Дыбо А. В., спрашивались грамматические формы и контексты употребления ряда других слов из базовой лексики, а также были записаны нарративы на языке коми на свободные темы.

В итоге были получены следующие результаты:

- языковой материал был получен от 16 информантов и опубликован в открытом доступе [Убалехт, 2022] по лицензии Creative Commons Attribution 4.0;
- записаны видео-интервью с носителями языка, в настоящий момент они находятся в закрытом доступе, но могут быть предоставлены специалистам по запросу.

Выводы о состоянии коми языка в данных населённых пунктах:

- значительную часть населения д. Николаевка, с. Спасское, д. Кибер-Спасское, д. Кирсаново составляют коми, либо обрусевшие коми, но коми язык в этих населённых пунктах находится в состоянии сильного языкового сдвига в пользу русского языка и почти не используется в быту;

- в д. Николаевка и в с. Спасское есть отдельные носители коми языка 30–50-х годов рождения с относительно хорошей языковой компетенцией, с которыми можно проводить дальнейшие лингвистические исследования;
- в д. Кибер-Спасское есть несколько носителей коми языка средней компетенции;
- по предварительным данным в д. Кирсаново есть люди, знающие на языке коми лишь отдельные слова и фразы;
- в с. Золотая Нива есть как минимум одна носительница коми языка с относительно хорошей компетенцией;
- в с. Лагушино Клячинского района, в котором по нашим сведениям тоже живут коми, исследования пока не проводились.

Литература

- Ермакова, Е. Е. Магико-медицинская практика коми Омской области // Медицинская антропология и биоэтика. – 2013. №1 (5).
- Лискевич, Н. А. Особенности погребально-поминальной обрядности у коми юга Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. №3 (18). – С. 120–130.
- Лискевич, Н. А., Машарипова, А. Х. Охранительные ритуалы в скотоводстве коми Нижнего Притоболья и Омского Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. № 2 (33). – С. 120–130.
- Суббота, К. А. Употребление временных форм глагола в ижемском диалекте коми языка (на материале гвора с. Казым) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. № 70. – С. 330–335.
- Убалехт, И. П. Репозиторий проекта по документированию коми языка в Омской области [Электронный ресурс] // GitHub.com: веб-сервис для хостинга проектов. URL: <https://github.com/ubaleht/Komi> (дата обращения: 27.08.2023).

ЦЕПОЧЕЧНЫЕ СИТУАЦИИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ ¹⁵

Целью данного исследования является изучение средств выражения цепочечных ситуаций в русском жестовом языке. Цепочечные ситуации рассматриваются как одно из неканонических реципрокальных значений: каждый участник ситуации является и субъектом, и объектом, но не по отношению друг к другу, а по цепочке. Такие значения могут выражаться как показателем, использующимся для прототипического реципрока, так и специальным показателем [Lichtenberk, 1985; Evans et al., 2011].

В русском жестовом языке средства выражения прототипического и цепочечного реципрока не совпадают. Значение прототипического реципрока передается с помощью различных типов редупликации и модификации параметров жеста [Филимонова, 2022], в то время как для обозначения цепочечных ситуаций используются классификаторные конструкции. По результатам исследования было выявлено две основные конструкции, описывающие цепочечные ситуации: 1) пассивная рука неподвижна и обозначает начало цепочки, доминантная рука совершает движение к концу цепочки, 2) жест редуплицируется над/за другой рукой от начала к концу цепочки (как бы изображая появление/выстраивание цепочки). В случае если у цепочки можно отчётливо выделить ведущего (например, человек ведет за собой других), мануальные артикуляторы могут исполнять разные жесты: рука, обозначающая начало цепочки, показывает ведущего, а вторая рука – цепочку остальных участников ситуации.

Жесты-классификаторы отличаются способностью создавать неограниченное количество конструкций и, соответственно, высокой вариативностью, что позволяет рассматривать такие жесты как совмещающие в себе языковую единицу и жестикуляцию. Данное исследование позволяет установить на примере цепочечных конструкций, какие элементы классификаторной конструкции являются строго лингвистическими, а какие необязательны, индивидуальны и, возможно, относятся к сфере жестикуляции. Так, расположение рук, направление движения, редупликация

¹⁵ Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект No FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

являются лингвистическими средствами, тогда как вторичное движение и изменение ориентации не обладают признаками обязательности и регулярности и иконически изображают характеристики конкретных объектов и ситуаций.

Литература

Филимонова, Е. В. Иконичность модификаций жеста в русском жестовом языке // Когнитивные исследования языка, № 51, 2022. – С. 418–422.

Evans, N., Majid, A., Gaby, A., Levinson, S. Introduction: reciprocals and semantic typology // Reciprocals and Semantic Typology. Amsterdam. The Netherlands: John Benjamins Publishing Company. – 2011. – pp. 1–29.

Lichtenberk, F. Reciprocals without reflexives // Reciprocals: Forms and functions. Volume 2. Typological Studies in Language 41. – 1985. – pp. 31–62.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТОМСКА: ОТ КОНСТАТАЦИИ К
ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Почти 70 лет прошло со времени публикации А. П. Дульзоном труда «Археологические памятники Томской области», где под № 61 значится «Томский острог, сооруженный в 1604 г. на Воскресенской горе в г. Томске. На большой площади в этом месте прослеживается мощный культурный слой, насыщенный обломками керамики и других предметов XVII в. и более позднего времени» [Дульзон, 1956: 114].

В ходе археологических исследований традиционная точка зрения о месте основания Томска, которой придерживался и Андрей Петрович, не получила подтверждения, но собрана огромная вещевая коллекция, раскопаны фортификационные сооружения, комплекс воеводской усадьбы Томского кремля середины XVII – середины XVIII в., что позволило реконструировать историко-архитектурный облик средневекового Томска [Чёрная, 2002: 2015] и подтвердить мысль о чрезвычайной ценности археологического материала для изучения развития народов Западной Сибири и русского вклада в это развитие [Дульзон, 1956: 99].

Вместе с тем информационный потенциал археологических источников раскрыт далеко не полностью, как и конкретные проблемы истории города, актуальность которых обозначилась благодаря археологическим изысканиям последних десятилетий. Среди них поиск первоначальной локации Томска и исторических границ кремля 1647 г.

Задача полевого сезона 2023 г. состояла в обнаружении продолжения восточного прясла тарасной стены Томского кремля и северо-восточной башни. Работы проводились Томским государственным университетом (руководитель М. П. Чёрная) и ООО «СибАрх» (Д. Ю. Рыбаков, А. С. Зинченко). Найден фрагмент тарасной ячейки восточной стены примерно в 4-х м от края горы, ее нижний венец был заглублен в материк на 20–30 см. Нижние венцы ранее выявленной части стены, идущей по кромке восточного откоса, заглублялись на 1–1,5 м [Чёрная, 2002: 53]. Конструктивное отличие обнаруженной тарасы обусловлено тем, что эту часть прясла стены не нужно было глубоко вкапывать, поскольку она отстояла на несколько метров от кромки

откоса. Слой датирован второй половиной XVII в. находками серебряной копейки, фрагментами муравленых изразцов, стеклянной посуды, китайского фарфора.

Северо-восточная башня, местоположение которой определено наложением исторических карт на современную топографическую ситуацию, видимо, разрушена застройкой и перекопами 1930–1950-х гг., выявленными в ходе раскопок.

В следующем сезоне планируется продолжить поиск исторических границ Томского кремля.

Археологические исследования средневекового Томска документируют процесс распространения русской культуры в Сибири и ее «огромное влияние на развитие культуры туземных народов» в ходе присоединения края к Русскому государству, о чем в свое время писал А. П. Дульзон [1956: 99].

Литература

Дульзон, А. П. Археологические памятники Томской области // Труды ТОКМ. – Томск: Б/и, 1956. – С. 89–316.

Чёрная, М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 187 с.

Чёрная, М. П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. – Томск: ИД «Д Принт», 2015. – 276 с.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
МИРА БОГАТЫРЕЙ: НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО
СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЧЫ»**

Наш доклад посвящён рассмотрению языкового выражения эмоционального мира богатырей на материале хакасского героического сказания «Албынчы» [Албынжы, 1951]. Для выявления особенностей эмоционального кода репрезентации эмоций богатырей / богатырш использованы описательный (дескриптивно-аналитический) и функционально-семантический методы исследования. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью языка хакасского фольклора, в частности, глагольной сферы в ракурсе антропоцентрической парадигмы, а также отсутствием специальных работ по данной тематике на материале других тюркских фольклорных текстов. Новизна проведённого исследования заключается в том, что впервые описаны глаголы, выражающие эмоциональные переживания богатырей / богатырш, как незаменимый и важный фрагмент фольклорно-языковой картины мира.

Известно, что в героических сказаниях богатыри – это люди, одарённые необыкновенными физическими и морально-нравственными качествами и сверхчеловеческими способностями. При этом, обладающие величием и могучей силой своего происхождения, они испытывают эмоциональные переживания. Как показывает наш материал, для описания данного аспекта жизнедеятельности персонажей, в героическом сказании «Албынчы» используется, по нашим сведениям – всего 15 глаголов. Однако они обеспечивают все необходимые представления об эмоциях богатырей.

На основе проведённого анализа глаголов эмоциональной деятельности в тексте данного героического сказания мы можем сказать, что богатыри / богатырши переживают, в основном, негативные эмоции, например:

– злость, негодование, для выражения которых используются глаголы **тарых-** «1) нервничать, сердиться, раздражаться, возмущаться; {...};» [ХРС, 2006: 599], **тарын-** «раздражаться, сердиться, злиться, приходить в гнев; {...};» [ХРС, 2006: 599]. *Икі алып тарых турадырлар:* / – *Сөлир ползар, сөлеңер* (А, 69) – Два богатыря нервничают: / – Давайте говорите!

– страх, робость, репрезентируемые глаголами **хорых-** «бояться, пугаться, испытывать боязнь, страх; {...};» [ХРС, 2006: 851], **чалтан-** «1) робеть, смущаться, стесняться; {...}; 2) бояться; {...};» [ХРС, 2006: 935] и т.д. *Кілің Арыг прай поэы хатып партыр. / Хан Чачах Хыс хорых парган, / Тура сегіріп, орлап, сыгара ойлады* (А, 104) – Всё тело Килин Арыг застыло. / Хан Чачах Хыс испугалась, / Соскочив [с места], с криком выскочила наружу.

Также для выражения различных аспектуальных оттенков процесса эмоциональной деятельности часто используются сложные глаголы и клишированные выражения.

Выводы. Одним из ярких и загадочных явлений в словесном содержании данного героического сказания мы считаем тот факт, что при его богатейшем и обширном словарном запасе процесс эмоции обозначается ограниченным количеством стилистически нейтральных глаголов, широта и объёмность содержания которых отражается в их семантических и синтаксических особенностях. Язык героического сказания «Албынчы» имеет не отличается особой экспрессивностью и разговорно-речевыми формами. Использование только стилистически нейтральных глаголов свидетельствует о стремлении сказителей соответствовать высоким стилям изложения.

Литература

Албынжы. Хакасское героическое сказание / Сказитель С. П. Кадышев. Литературный перевод И. Кычакова. Абакан: Хакасское областное государственное издательство. 1951. – 112 с.

Хакасско-русский словарь (ХРС) – Хакас – орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ДУЛЬЗОН В МОЕЙ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

Сообщение носит мемориальный характер: об учителе, наставнике, коллеге.

Первые полевые археологические работы автора (на первом курсе) начались в 1955 г. на многослойном (от неолита до Нового времени) памятнике – «Старое мусульманское кладбище» под руководством А. П. Дульзона. Тогда мы узнали, что такое многослойность и как с ней разбираться. Андрей Петрович высоко ценил археологические источники для реконструкции прошлого и наставлял нас быть предельно внимательными в обращении с находками и их фиксацией, т.к. их местоположение содержит важную информацию для восстановления культуры.

Дипломную работу я писала по материалам раскопок басандайского комплекса, проведённых под руководством А. П. Дульзона и К. Э. Гриневича.

С началом моих самостоятельных работ наша связь с А. П. Дульзоном не прекратилась. Андрей Петрович был заинтересован в проблематике, на десятилетия определившей направление моих научных изысканий – активном историко-культурном исследовании Среднеобья эпохи железа, в том числе приветствовал дальнейшее изучение кулайской культуры и открытие новой – рёлкинской, их принадлежность самодийскому этносу.

Мы оба были заинтересованы в междисциплинарных научных контактах. Это касалось конкретных сюжетов, например, возможности этнического толкования археологических культур, проявлялось в разных формах научной организации: лекциях, консультациях, конференциях. Наиболее полно междисциплинарное взаимодействие отразила тематика томских конференций: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» (ТГПИ) и Западносибирские археологические совещания (позднее конференции) (ТГУ). На втором ЗСАС «Проблема культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири», состоявшемся при жизни А. П. Дульзона (май 1972 г.), он поддержал возникшую идею объединить археологов и этнографов в рамках единой конференции, ставшей позднее археолого-этнографической. Андрей Петрович был не просто заинтересованным лицом, но стал моим помощником в редактировании сборника [Из истории Сибири, вып. 7, 1973]. Это был наш последний рабочий контакт.

Литература

Из истории Сибири. Вып. 7: Материалы совещания по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири (Томск, 15–19 мая 1972). – Томск: Изд-во Томского университета, 1973. – 230 с.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ТУВИНСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

1. Структуры, используемые при описании внешнего облика героя, строятся по модели сравнительных конструкций, где компаратом 1 (объектом сравнения) выступают детали портрета персонажа, а компаратом 2 (эталон) сравнения – объекты природы.

2. Для тувинских героических сказаний (ТГС) характерно употребление устойчивых словесных формул, представляющих портрет главного героя. В формулах используется анатомический (общефизический) код: описание наружности: телесных, природных и возрастных свойств (черты лица, фигуры, цвет волос). Все, что в облике человека сформировано социальной средой, культурной традицией, индивидуальной инициативой (одежда и украшения, прическа и косметика). Портрет фиксирует также характерные для персонажа телодвижения и позы, жест, мимику, выражение лица и глаз.

(1) *Кежегези чүктүг кара буура дег.*

‘Его коса как верблюд-производитель с грузом’.

(2) *Үш кулаш кежеге.*

‘Коса в три маховых сажени’.

(3) *Ай, хүн дег ала карак.*

‘Большие глаза как луна, солнце’.

(4) *Ийи дөңмээ ийи мажалыктыг тей дег* (ТМТ-I, 79).¹⁶

‘Два бедра как два высоких холма’.

3. В формулах, описывающих богатырскую еду, используется пищевой код. Образ главного героя как могучего богатыря характеризуется действием по поеданию мяса. Главную роль играет обращение героя с крупными и мелкими костями.

(5) *Чиңге сөөгүн сиңмирип / Кадыг сөөгүн каккырып* (ТМТ-I, 139).

‘Узкие кости выплевывает / Твердые кости выдывает.’

¹⁶ ТМТ-I, 79 и др. взяты из работы М. В. Ондар Особенности языка тувинских героических сказаний. Кызыл 2022. 317 с.

Данный код используется не только в ТГС. «Богатырская еда является одной из любимых формул исполнителей эпоса тюрко-монгольских народов» [Бурыкин, 2019: 75]. В описании еды проявляются позитивные качества богатыря, его сила, а также добыча богатырской охоты.

4. Анализируя тематические тенденции субстантивного компонента тувинских компаративов, приходим к выводу, что в качестве объекта сравнения в компаративных структурах употребляются имена существительные, называющие части тела, явления природы, представителей фауны, флоры. Использование лексем, представляющих объекты природы и интерьера, обусловлено кочевым образом жизни тувинцев. Условия жизни требуют от человека уважительного отношения к природе, окружающей среде. Идеализируя своего героя, сказители используют вышеназванные стандарты.

Литература

Бурыкин, А. А. О некоторых формулах, встречающихся в образцах фольклора тунгусских, тюркских и монгольских народов // ВЕСТНИК СВФУ. – 2019. № 1 (69). – С. 70–80.

**ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

Наличие региональной лексической вариативности зафиксировано на материале многих жестовых языков. Систематизация имеющихся лингвистических данных позволяют выделить факторы, которые в наибольшей степени влияют на наличие в языке лексических вариантов: этническая принадлежность, гендерная принадлежность, возраст, регион проживания, учебное заведение и социальный статус носителя языка.

Вариативность русского жестового языка является одной из наименее разработанных областей в рамках общей лингвистики РЖЯ. Исследование вариативности РЖЯ на территории Восточной Сибири предполагало сопоставительный анализ лексические единиц, разделенных на тематические группы. Из пятнадцати тематических групп самое большое количество вариантов было зафиксировано в следующих: «Вопросительные жесты», «Фауна», «Продукты и питание», «Семья». В результате проведенного анализа установлено, что в регионах Восточной Сибири носителями русского жестового языка используются варианты жестов. На данном этапе можно заключить, что в целевых регионах не проявляется жестовая гомогенность, поскольку в рамках изучения зафиксирован определенный корпус жестов, используемых не во всех регионах. Квантитативно-сопоставительный анализ показал, что наиболее распространена фонологическая вариативность, в то время как лексическая вариативность зачастую наблюдается в жестовых единицах, обладающих высокой степенью иконичности. Из четырех сопоставляемых параметров наиболее подвержен изменению параметр «конфигурация».

ПРИГЛУШЕННЫЕ ГЛАСНЫЕ ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА

Объектом нашего исследования являются приглушенные гласные телеутского языка. Феномен приглушенности как разновидности дополнительной артикуляции был установлен Н. С. Уртегешевым. Данное явление подразумевает ослабление (а не полное отсутствие) голосового источника речевого звучания; часто такие гласные являются долготнонеопределенными [Уртегешев, 2021].

Отсутствие (или невыявленность) фонологичности приглушения гласных телеутского языка потенциально способно сделать их белым пятном среди других фонетических явлений. Тем не менее их роль для описания интонации языка не может быть переоценена: благодаря в том числе им порождается минимальный тон голоса. На важность изучения не только максимальных, но и минимальных значений основного тона голоса указывал Ладд [Ladd, 1995: 116–123].

Однако частотный и несистемный характер проявления приглушенности гласных в телеутском языке скорее позволяет отнести данную черту к реликтовым среди других языковых признаков артикуляционно-акустической базы телеутского этноса. Понятие артикуляционно-акустической базы (ААБ) этноса было разработано Наделяевым [Наделяев, 1986: 3–15] и уточнено Широбоковой [Широбокова, 2015: 242–250].

Литература

Наделяев, В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. – Новосибирск, 1986. – С. 3–15.

Уртегешев, Н. С. Фонико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте: дис. д-ра филол. н. 10.02.20. – Новосибирск, 2021. – 583 с.

Широбокова, Н. Н. О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2015. – № 4. – С. 242–250.

Ladd, R. ‘Linear’ and ‘Overlay’ descriptions: An autosegmental-metrical middle way // Proceedings of XIIIth International Congress of Phonetic Sciences. – Stockholm, Sweden, 1995. – pp. 116–123.

ПАРАМЕТРЫ ПАЛАТАЛИЗАЦИИ В ЯЗЫКЕ МЕННОНИТОВ ПЛОТДИЧ (ПО ДАННЫМ АКУСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Палатализация – вторичная модификация первичного участка сочленения, которая заключается в дополнительном движении задней части спинки языка к твердому нёбу [Stadnik, 2002]. Проблема палатализованности согласных звуков языка Plautdietsch отмечается многими исследователями.

В исследовании Г. Сименса палатализованные согласные представлены фонемами /tj/, /dj/, /nj/, /lj/ [Siemens, 2012]. По данным Генриха Сименса, палатализация звуков [k], [g], [l], [n] в языке плотдич является сложным явлением, так как она более древняя, чем многие другие звуковые изменения. Гласными, которые вызывают палатализацию в плотдич, являются /i/, /i/, /e/, /e/, /ee/, /ea/ [Siemens, 2012].

Целью работы является исследование реализаций палатализованных звуков в языке меннонитов плотдич с помощью методов акустической фонетики.

Исследование производилось с применением методов акустического анализа с использованием программы SpeechAnalyzer. В ходе исследования было выяснено, что палатализованность/непалатализованность является одним из основных конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих подсистему переднеязычных фонем, которая включает следующие палатализованные фонемы: /t'/, /d'/, /r'/, /l'/, /n'/. Палатализованные согласные зафиксированы в инициальной, интервокальной, финальной позициях, а также в середине слова в препозиции к шумным и малошумным. Данные акустического анализа показали, что средняя относительная длительность (СОД) палатализованной фонемы /t'/ меньше, чем непалатализованной, при этом глухость обеих фонем равна 100%, придыхательность палатализованной фонемы выше. СОД, глухость и придыхательность аллофонов фонемы /d'/ выше, чем у фонемы /d/. СОД палатализованной фонемы /r'/ выше, чем у аллофонов фонемы /r/. Аллофоны фонем /r/ и /r'/ определяются как глухие, при процентное соотношение глухих компонентов непалатализованной фонемы выше. По квантитативным параметрам оттенки непалатализованной фонемы /l/ имеют среднюю относительную длительность меньше, чем оттенки фонемы /l'/. Суммарная относительная

длительность палатализованных аллофонов фонемы /n'/ меньше, чем у аллофонов фонемы /n/, однако длительность звонкости палатализованных звуков больше.

Таким образом, система палатализации, выявленная нами, является неполной и несимметричной. Палатализованные пары встретились у язычных согласных, однако не везде они были развиты. По результатам акустического анализа, средняя длительность придыхательных компонентов палатализованных фонем выше, чем непридыхательных, аллофоны палатализованных фонем могут быть как звонкими, так и глухими, при этом их средняя относительная длительность меньше, чем у непалатализованных фонем.

Литература

Siemens H. Plautdietsch. Bonn: Tweeverlag, 2012.

Stadnik E. Die Palatalisierung in den Sprachen Europas und Asiens. Tübingen: Narr, 2002.

There can hardly be the term of ‘noun’ in the Salish languages. The Salishists call it ‘nominal’ because of the verbal character of roots denoting entities. The prefix *s-* (nominalizer) is singled out to derive nominal forms.

(1) *s-qaq=el=e*
NMLZ-hang under=sort of=living thing
'baby'

In this regard it's worth mentioning W. Suttles who claimed that in Halkomelem every word following an article might be identified as a relative clause, *tə swəyqe7* being 'the one who is a man' rather than 'the man' (Suttles, 2004:81), cf.:

- ‘It is the way of our ancestors when they went to get their winter supplies of dried salmon and their dried butter clams’ [Suttles, 2004: 519].

157

- (3) *k^wθ sx^w-tə7e-s*
 ART OBL-NMLZ-be like
 ‘way, manner’, lit. ‘that which is like’
- (4) *k^wθə s-yəwen-əl-ct*
 ART NMLZ-go.before-past-our
 ‘ancestors’, lit. ‘what was gone before’
- (5) *k^wθə s-qilə-s-7əy*
 art NMLZ-supply-3poss
 ‘supplies of dried salmon’ (lit. ‘to supply’)

So we can conclude that the nominals in the Salish languages are lexicalized verbal predicates.

References

- Galloway, B. Dictionary of Upriver Halkomelem // University of California Publications in Linguistics, 141. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 2009.
- Jacobs, D. W. Control in Skwxwu7mesh: a thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD in Linguistics, 2011.
- Nakayama, T. On the Position of the Nominalizer in Squamish // Proceedings of the International Conference on Salishan and Neighboring Languages 18, 1991. pp. 293–300.
- Suttles, W. Musqueam Reference Grammar. 2004. Vancouver: UBC Press.
- Thompson, J. Syntactic Nominalisation in Halkomelem Salish: a thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD in Linguistics. Vancouver, 2012.